

- 15 Hopkins T., Wallerstein I., et. al. "Cyclical Rhythms and Secular Trends of the Capitalist World-Economy," *Review*, Vol. II, No.4 (1979), 483-500.
- 16 Modelski G. and Thompson W.R. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics* (Columbia: University of South Carolina Press, 1996).
- 17 Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster, 1996).
- 18 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // *Pro et Contra*. - 1997. - № 2. - С.114-153.
- 19 Wallerstein I., "Capitalist Civilization," *Wei Lun Lecture Series II, Chinese University Bulletin*, Supplement 23 (1992), 5-26.

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК СОВРЕМЕННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Т.Ю. Журженко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

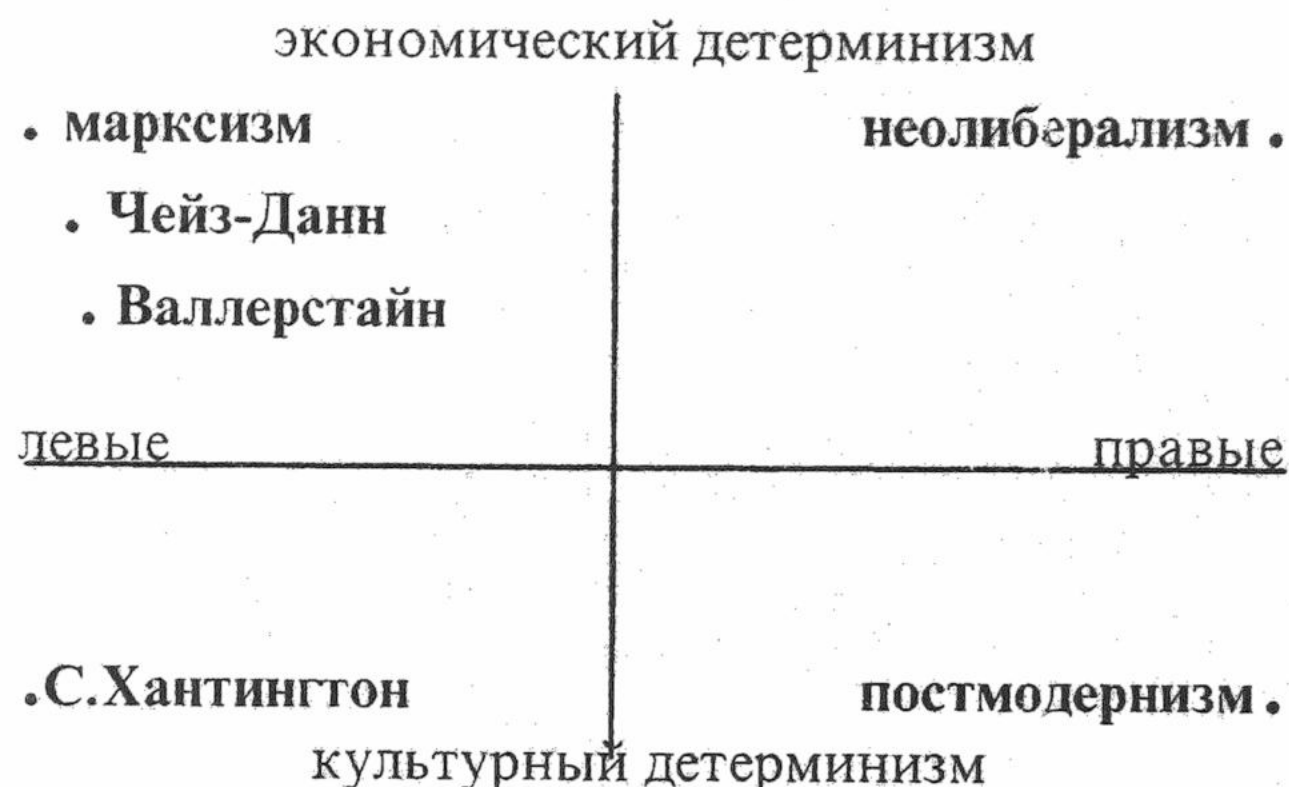
В этой статье предпринимается попытка решить (или хотя бы поставить) две задачи. Первая состоит в том, чтобы определить место мир-системной теории в современной интеллектуальной системе координат, увидеть, что же выделяет ее на фоне разнообразного ландшафта современных социальных наук. Вторую задачу я вижу в том, чтобы на основе этой локализации рассмотреть возможности мир-системного анализа в роли критической теории – как в глобальном, так и в более частном, постсоветском контексте.

Мир после окончания Холодной войны – это мир, в котором, по общему убеждению, идеологии перестали играть определяющую роль. Ф. Фукуяма провозгласил полную и окончательную победу либерализма (по крайней мере, в сфере идей) над своими вечными оппонентами и в первую очередь над социализмом; Валлерстайн, оценивая те же события, пришел к противоположному выводу – о конце либерализма, неспособного более выполнять легитимирующую функцию в капиталистической мир-экономике. Что же определяет источники и движущие силы глобальных трансформаций в современном мире? Неограниченная экспансия рынка, на пути которой исчезают последние политические и социальные барьеры? Логика накопления капитала в мировом масштабе? Возрождение цивилизаций и претензии новых государств на гегемонию? Очевидно, на этот счет существуют различные подходы, которые условно можно свести к следующей схеме (по горизонтали – левая или правая ориентация, по вертикали – соотношение экономических и культурных факторов). В этой системе координат мы попытаемся затем определить место мир-системной теории.

1. Неолиберализм видит в качестве такой движущей силы рынок – если ему предоставить полную свободу, снять политические и социальные ограничения (открыть границы движению капитала, устранить ограничения государства благосостояния). Глобализация в данном случае предстает как закономерный результат естественного развития рыночной экономики, развертывания ее внутренней логики. Стратегия как для отдельной страны, так и для каждого индивида состоит в том, чтобы найти свое место в новом международном разделении труда и использовать его преимущества.

2. Согласно С. Хантингтону [1] – дальнейшее развитие мировой истории после окончания Холодной Войны, глобальные трансформации в современном мире определяются столкновением не экономических интересов, а культурных (цивилизационных) идентичностей. Будущий глобальный порядок будет определяться соотношением сил между основными мировыми цивилизациями: западной, китайской, мусульманской, африканской, латиноамериканской и т.д. Различные системы ценностей, разное видение мира предопределяет международные конфликты, а альянсы между государствами будут возникать впредь не столько на основе политических интересов, сколько на основе цивилизационной общности. Поскольку человек склонен определять свою религиозную и этническую идентичность через отрицание образа Другого – враждебность и конфликты оказываются неизбежными. Другая сторона этой позиции – правого полюса культурного детерминизма –

нашла отражение в книгах Ф. Фукуямы. Либеральные идеи – главный культурный багаж человечества – одержали верх над материалистическим (экономическим) детерминизмом, отождествляемым им с социализмом. Культура, сфера идей (подразумевается, либеральных идей), а также способность других цивилизаций адаптировать эти идеи составляет источник динамизма современных обществ. Этот подход Ф. Фукуяма развивает в книге "Доверие". Уровень доверия между людьми, а также доверия к социальным институтам, существующий в том или ином обществе (или, иными словами, уровень развития социального капитала) предопределяет перспективы его экономического процветания.

3. Левый полюс культурного детерминизма наиболее адекватно может быть представлен различными вариантами постмодернизма. Для примера возьмем книгу Розы Брайдоути "Номадические субъекты" [2]. В ней также идет речь о культурных идентичностях, но Брайдоути настаивает на их множественности и текучести. Мир, каким видит его Роза Брайдоути – мир странствующих субъектов, полиглотов по определению, принадлежащих одновременно к разным культурам, но не детерминированных ни одной из них. Столкновение культурных идентичностей порождает конфликты, однако текучесть и множественность определения идентичности создает возможности их предотвращения. Будущее Европы – именно на этом пути.

4. Левый полюс экономического детерминизма представлен марксизмом, который предлагает свое видение современных глобальных трансформаций. Конечно, этот экономический детерминизм другого рода, чем детерминизм рыночников- неоллибералов. Если последние рассматривают развитие общества как результат действия рыночных сил, то для марксистов оно определяется борьбой экономических интересов классов и социальных групп, а на международной арене – экономических интересов национальных государств, ТНК и международных организаций. Борьба экономических интересов определяет политическую динамику, а государство и государственная политика является важнейшим средством в этой борьбе. "Свободный рынок" – это всего лишь идеологическая конструкция, государство так или иначе вмешивается в экономические процессы. Поэтому глобализация – не спонтанный результат естественной экспансии рынка, а результат политических решений правящей транснациональной (американской) элиты. (Пример такого подхода – книга Питера Гована "Глобальная игра" [3]).

Недавняя книга У. Бека "Что такое глобализация?" [4] тяготеет к левому полюсу культурного детерминизма, хотя и с определенным сдвигом в сторону экономического детерминизма (он указывает на решающую роль ТНК в процессах экономической глобализации). Однако глобализация предстает в его книге как многомерный процесс, она касается прежде всего стилей жизни, жизненных практик и идентичностей. В то же время Бек отвергает постмодернистские интерпретации глобализации, предлагая взамен концепцию рефлексивной (или второй) модернизации, которая приходит на смену первой ("национальной").

В эту же систему координат может быть помещена и мир-системная теория, а точнее ее отдельные представители – ближе к левому полюсу экономического детерминизма.

Признавая марксизм в качестве одного из своих источников, Валлерстайн и его последователи тем не менее существенно пересматривают основное содержание марксизма, в частности, вопрос о происхождении и сущности капитализма, о соотношении между капитализмом и рынком. Как подметил один из наиболее фундаментальных критиков слева Роберт Бреннер [5], Валлерстайн подменяет вопрос о происхождении капитализма проблемой возникновения капиталистической мир-системы и рассматривает в качестве ключевого фактора не классовые отношения, а динамику рынков. (В то же время, если сторонники либеральных теорий модернизации рассматривали рыночно-детерминированные процессы как основу экономического развития, Валлерстайн полагает, что они приводят к противоположному результату – закреплению экономической отсталости и углублению разрыва между центром и периферией.) Все же при этом центральный марксистский сюжет – коммодификация рабочей силы, возникновение рынка наемного труда и классовых отношений между трудом и капиталом – заменяется другим сюжетом: победой капиталистической мир-экономики над мир-империей и ее территориальной экспансией, втягиванием все новых стран в иерархические отношения центра-периферии. Стремясь подчеркнуть значение эксплуатации периферии для воспроизводства капитализма, Валлерстайн снимает вопрос о сосуществовании капиталистического и некапиталистических способов производства, признавая одинаково капиталистическими ТНК, торговую компанию и рабовладельческую плантацию, если они включены в КМЭ. (Кристофер Чейз-Данн, представитель более молодого поколения теоретиков мир-системного подхода, называет это “посылкой тотальности”: одна мир система – один способ производства) [6, p.32]. Слабое место Валлерстайна, по мнению Бреннера, – это его количественный подход: развитие капиталистической мир-системы определяется такими факторами, как ее рост в результате территориальной экспансии, достижение большей эффективности благодаря региональной специализации и трансферт прибыли из периферии в страны ядра. При этом возникновение самого качества “капиталистичности” современной мир-системы, связанное, по мнению марксиста Бреннера, с производством относительной прибавочной стоимости и постоянным повышением производительности труда, практически остается за рамками мир-системного подхода.

В статье “Капитализм: враг рынка?” Валлерстайн пересматривает традиционное для экономической теории соотношение между рынком и капитализмом, конкуренцией и монополией. Согласно общему убеждению, развитый рынок является отличительной чертой капитализма, так что феодализм может быть назван до-рыночным, а социализм – пострыночным обществом. Монополия и конкуренция являются двумя полюсами капиталистического рынка, при этом конкуренция – скорее норма, а монополия – отклонение. Однако исследования по экономической истории феодализма с одной стороны, экономическая реальность социалистических стран – с другой – свидетельствуют о том, что существование рынка не связано напрямую с капитализмом. Более того, именно рынок гарантирует конкуренцию, тогда как монополия является необходимым атрибутом капитализма. Такую постановку вопроса Валлерстайн заимствует у Ф.Броделя: рынок демократичен, открыт для всех и поэтому не может обеспечить высокую норму прибыли, ее может получить только капиталист посредством монополии. При этом разделение на торговый, промышленный, финансовый капитал является искусственным, действительно крупный капиталист стремится контролировать все три сектора. Технические инновации, с этой точки зрения, также служат получению сверхприбыли путем установления новой монополии и ограничения рыночной конкуренции. Эта позиция, безусловно, отличается от традиционно марксистской. Валлерстайн заходит так далеко, что даже заявляет: “возможно, триумф рынка (в броделевском смысле), не будучи больше признаком капитализма, оказывается знаком мирового социализма.” [7, p. 206].

Рассмотрим для сравнения позицию Чейз-Данна по этому вопросу. Отвергая приоритет отношений обмена над отношениями производства, он определяет капитализм как такую систему, в которой товарное производство в целях извлечения прибыли существует в контексте различных форм мобилизации труда и степени его коммодификации [8, p.5-6]. Мировая система классовых отношений представляет собой континуум – от различных форм социально-защищенного наемного труда до труда принудительного (что приблизительно соответствует континууму отношений центра-периферии). Стремясь преодолеть оппозицию производства и обмена, Чейз-Данн предпочитает говорить о способе накопления, а не о способе производства. Исторически способы накопления основываются на различных формах обмена (дар, административно-государственное регулирование, рыночный обмен) и различных институциональных механизмах мобилизации труда (нормативное регулирование, рабство, крепостничество, налогообложение, дань, заработная пла-

га) и соответствующих уровней коммодификации труда. Соответственно "реальный капитализм" представляет собой более сложный феномен: комбинацию различных способов накопления капитала, от товарного производства до политического (военного) принуждения, различных форм эксплуатации – от классовой эксплуатации в странах ядра до эксплуатации периферии.

Позиция Чейз-Данна, на мой взгляд, ближе к традиционно-марксистскому полюсу, поскольку экономическое развитие определяется им как результат соотношения между различными формами обмена и различными институциональными механизмами мобилизации труда. "Неосмитианский марксизм" Валлерстайна, как называет его Бреннер, несколько сдвигается к правому полюсу экономического детерминизма в нашей схеме, поскольку акцентирует значение разделения труда и рыночного обмена по сравнению с традиционным марксистским фактором эксплуатации наемного труда.

Что касается расположения на оси "культурный детерминизм/экономический детерминизм", мир-системный анализ в целом склонен придавать большее значение культурным факторам, чем традиционный марксизм. Однако и здесь позиции ее отдельных представителей существенно расходятся.

Чейз-Данн, например, рассматривает культуру как одну из форм интеграции общества – нормативную интеграцию [8, p.88-105]. В отличие от подхода Парсонса, подчеркивающего роль нормативной интеграции во всех социальных системах, Чейз-Данн полагает, что в современной мир-системе она играет минимальную роль по сравнению с политической, и тем более, рыночной интеграцией. Его подход основывается на предложенном Карлом Поланьи различении трех способов социальной интеграции:

1. *Reciprocity* – нормативное распределение ресурсов в соответствии с культурно обоснованным пониманием справедливости, существует во всех обществах. Однако особую роль этот способ интеграции играет в бесклассовых, безгосударственных обществах, основанных на родстве.

2. *Redistribution* – политически детерминированное перераспределение товаров приобретает значимость, когда специальные организации принуждения (государства) возникают в процессе монополизации легитимного насилия. Государства и империи используют прямое принуждение для изымания прибыли у производителей.

3. Третья форма социальной интеграции у Поланьи - *price-setting market* (свободный рынок – в том смысле, что цены определяются не на основе традиций или закона, а устанавливаются как равнодействующая множества решений о покупке или продаже большим числом отдельных акторов, стремящихся максимизировать свою индивидуальную выгоду). Для Поланьи свободный рынок не является естественным и универсальным способом обмена (как это принято в экономической теории), это историческое образование, возникающее при определенных условиях.

На основе предложенной Поланьи типологии Чейз-Данн выделяет три типа социальных систем:

1. Социальные системы, основанные на нормативном регулировании
2. Социальные системы, основанные на политическом подавлении
3. Социальные системы, основанные на рыночной форме связи.

Все три типа интеграции существуют в большинстве мир-систем, однако в различных сочетаниях. Тип интеграции, доминирующий в современной мир-системе – это комбинация рыночной взаимосвязи в мировом разделении труда и политически-военной силы государств ядра. Что касается нормативной интеграции, она играет в современной мир-системе подчиненную роль (или в терминах Дюркгейма, органическая солидарность доминирует над механической). Конечно, существование рынка требует определенного уровня нормативного консенсуса (поэтому межкультурные экономические связи всегда связаны с большими издержками). Нормативное регулирование доминирует внутри таких институтов современной мир-экономики, как семья (домохозяйство). Оно частично обеспечивает социальную интеграцию на уровне национальных государств, а также является средством легитимации различных форм иерархий и неравенства. Однако на уровне современной мир-системы в целом "широкий культурный консенсус не является более необходимым" [8, p.97].

В работах И. Валлерстайна, особенно в его статьях последних лет, фактор культуры играет более существенную роль. Валлерстайн практически отождествляет культуру с идеологией, определяя ее как "набор ценностей и основных правил, которые через сознание или подсознание

управляют вознаграждением внутри системы и образуют набор иллюзий, убеждающих индивидов признать легитимность этой системы" [9, p.146]. На уровне мир-системы можно говорить о геокультуре – не в смысле "мировой культуры", объединяющей человечество поверх национальных и классовых различий, а скорее в смысле самосознания мир-системы, интеллектуальных и/или идеологических основ, обеспечивающих ее воспроизводство.

Все мир-системы имеют свою геокультуру, хотя иногда для ее формирования требуется определенное время. Современная мир-система, возникшая согласно Валлерстайну в 16 веке, вплоть до конца 18 века не имела адекватной геокультуры. Решающую роль в ее возникновении и дальнейшем развитии сыграла Французская революция [7, p.7-22]. Поворот, произведенный ею в сознании общества, заключался в признании нормальности социальных изменений, возникновении идеологии прогресса, признании ценности новизны и нововведений, апелляции к будущему вместо апелляции к прошлому. Реакция на этот поворот в сознании была различной у разных социальных групп и вылилась в три основных идеологии, возникавшие последовательно в течение 19 века: консерватизм, либерализм, социализм. По мнению Валлерстайна, они отразили три позиции в отношении нормализации изменений и управления ими: консерватизм – апелляцию к традиции и стремление минимизировать опасность перемен, либерализм – стремление рационально управлять изменениями, социализм – стремление ускорить прогрессивные изменения и привлечь к участию в них широкие массы.

Дальнейший ход рассуждений Валлерстайна своеобразен: в статье с характерным названием *"Три идеологии или одна? Псевдобитва современности"* [9, p. 72-92] он доказывает, что различия между тремя идеологиями оказались мнимыми, что позволяло их представителям вступать в альянсы друг с другом в зависимости от исторической ситуации (например, социализм и консерватизм – против либерального индивидуализма). Постепенная либерализация как консерватизма, так и социализма (даже ленинизм предстает у Валлерстайна как результат либерализации социализма) привела к победе либерализма – он приобрел статус геокультуры СМС. В отличие от Фукуямы, провозгласившего триумф либерализма после распада Советского блока, Валлерстайн относит период триумфа к эпохе американской гегемонии – 1945-68 годам. (Напомним, что советскую систему и социализм он не рассматривает как реальные альтернативы КМЭ, Советский Союз был, по его мнению, субимперией США, а социализм – субидеологией либерализма). 1968 год (мировая революция 1968) обозначила начало заката либерализма, глубокого кризиса либеральной геокультуры. Несмотря на кажущееся монопольное господство либерализм не справляется больше со своей главной функцией – функцией легитимации неравенств в КМЭ и сглаживания ее противоречий. На протяжении 19-20 веков либерализм весьма успешно противодействовал революционной энергии "опасных классов" выдвигая приоритеты технической современности как средство достижения целей современности освобождения [9, p. 126-144]. Сегодня новые "опасные классы" (прежде всего на периферии мир-системы) угрожают ее стабильности, а либеральные проекты модернизации и национального развития переживают кризис и не могут оправдать возрастающий разрыв между богатыми и бедными.

Каким же образом либеральная геокультура выполняет в СМС свою легитимирующую функцию? Валлерстайн обращается к этому вопросу в программной статье *"Культура как идеологическое поле боя современной мир-системы"*. Он указывает на два наиболее распространенных значения понятия "культура": первое подразумевает набор характеристик, отличающих одну социальную группу от другой (например, национальная культура), второе – набор явлений, формирующий в рамках одной и той же социальной группы так называемую "высокую культуру". Эти два значения понятия "культура" соответствуют двум ее аспектам – партикуляризму и универсализму, которые, дополняя друг друга, обеспечивают легитимацию существующих в КМС иерархий и неравенств, и одновременно позволяют аутсайдерам формулировать свои протесты и требования. Универсализм и расизм (сексизм), таким образом, не исключают, а дополняют друг друга в логике либеральной геокультуры.

Валлерстайн формулирует шесть внутренних противоречий (напряжений) КМЭ, сдерживанию которых (и одновременно воспроизводству) содействует идеология универсализма, с одной стороны, и расизма-сексизма – с другой.

1) между экономическим разделением труда, которое носит наднациональный характер и системой национальных государств, составляющих политическую основу КМЭ;

- 2) между вестернизацией новых территорий в процессе территориальной экспансии КМЭ и сопротивлением традиционной культуры;
- 3) между стремлением капитала заставить рабочих трудиться больше с меньшей оплатой - и недостаточной мотивацией;
- 4) между постоянным стремлением КМЭ к новациям и изменениям и связанной с этим проблемой легитимности ее институтов;
- 5) между обогащением привилегированной страты КМЭ и обнищанием большинства;
- 6) между тенденцией к бесконечному накоплению капитала и историческими границами КМЭ.

Например, третье противоречие разрешается с помощью универсализма, с одной стороны, и расизма/сексизма – с другой – следующим образом. Универсализм обеспечивает мотивацию к труду, поскольку западная трудовая этика рассматривается как необходимое условие процветания как для отдельных индивидов, так и для социальных групп и целых государств. Модернизация неизбежно предполагает становление соответствующей трудовой этики, универсальной по своему характеру. Низкий социально-экономический статус отдельных социальных групп в государстве, или отдельных стран в мировом сообществе объясняется ее отсутствием или неразвитостью. С другой стороны, расизм и сексизм обеспечивают корреляцию между низким статусом группы и низким доходом с помощью аргумента “другой культуры”. Чернокожие и женщины оплачиваются хуже, потому что они работают менее эффективно, “что-то в самой психологии” мешает им усвоить универсальную трудовую этику [10, p.16].

Следовательно, культура по Валлерстайну - результат наших коллективных попыток справиться с этими противоречиями КМЭ. Культура в первом значении (ценности группы, отделяющие ее от другой группы) была попыткой противопоставить неизменные реалии бесконечным изменениям, культура во втором значении (высокая универсальная культура) стала оправданием неравенств существующей системы. При этом две основные идеологии – универсализм и расизм/сексизм – взаимодействовали друг с другом в ходе исторического развития КМЭ, принявшего вид повторяющегося “идеологического зигзага”.

Таким образом, в некотором отношении позиция Валлерстайна близка традиции “культурного марксизма”, рассматривающего культуру не как статичную систему универсальных ценностей, разделяемых всем человечеством, а как арену борьбы за гегемонию и право интерпретации мира, “скорее поле боя значений, чем общую точку отсчета” [11, p.41]. В последние десятилетия центр политической борьбы переместился именно в эту сферу: требования справедливости и пересмотра существующих в КМЭ иерархий выражаются сегодня языком культуры.

Однако, подчеркивая, что культура является элементом отношений власти, Валлерстайн сводит ее функции к легитимации неравенств КМЭ и социализации определенных расовых и этнических групп в качестве “угнетенных членов”. Он склонен рассматривать культуру как функцию политики и экономики: “Границы национальных государств, очертившие и национальную культуру, были в конечном счете функцией соотношения сил в межгосударственной системе, формализованной посредством и в виде договоров” [12, с.146]. Культура не является, следовательно, самостоятельным фактором, определяющим развитие СМС.

Таким образом, я попыталась выяснить положение мир-системной теории в современной интеллектуальной системе координат, в частности относительно полюсов экономического и культурного детерминизма. Это позволяет предпринять попытку использовать ее критический потенциал в двух направлениях – как против культурного, так и против рыночного фундаментализма.

На мой взгляд, культурный фундаментализм и рыночный фундаментализм – это два основных соблазна, определяющих современный политический и академический дискурс. Они приблизительно соответствуют правым полюсам экономического и культурного детерминизма в приведенной выше схеме, и, естественно, представляют собой явления глобального порядка, однако в нашем, постсоветском контексте имеют собственную специфику.

Культурный фундаментализм.

Культурный фундаментализм – доминанта современного видения мира, не отмеченного больше противостоянием двух систем и враждующих идеологий. Как отмечают сегодня многие авторы, происходит “культурализация” политического языка или – еще более резкая формулировка – “колонизация социального культурным”. Национальные меньшинства, этнические группы, вновь возникающие государства – заявляют о своем существовании претензиями на бесспорное

обладание собственной уникальной культурой. Культура безнадежно разъединяет – когда на месте вчера еще гомогенной нации возникает конгломерат враждебных друг другу этнических групп, яростно отстаивающих свою непохожесть друг на друга. И культура бесспорно объединяет – когда на основе религиозной, цивилизационной общности возникают союзы государств и враждующие блоки, определяющие новую геополитическую картину мира (как это описано у С. Хантингтона в книге “Столкновение цивилизаций”). Кажется, уже больше не политические и экономические интересы, а культурные идентичности определяют соотношение сил в мире и ход глобальных трансформаций. Кто мы? Кто свои, а кто чужие? Что нас объединяет с другими, а что отличает от них? Эти вопросы являются сегодня центральными для политического дискурса в первом и в третьем мире, в старых и в новых демократиях. То же происходит и на уровне национальных государств: социальные группы, меньшинства, регионы формулируют свои интересы в терминах культуры. Политический философ Нэнси Фрезер назвала этот феномен переходом “от политик перераспределения к политикам идентичности” – участники требуют не просто своей доли в общем пироге, но в первую очередь признания своей культурной уникальности.

В постсоветском контексте культурный фундаментализм неизбежно сопровождает конструирование национальной идентичности как основы формирования новых независимых государств. Проблемы возрождения национальной культуры, вопросы языка, реформа системы образования вызывают в современной Украине наиболее острые дискуссии; на тему о том, что же относится к украинскому культурному наследию, уже написаны десятки диссертаций. Усилия прессы и системы образования направлены на то, чтобы создать “в короткий срок” единую идентичность украинской нации, невзирая на реальное этническое и культурное разнообразие. Судьба Украины на международной арене, похоже, зависит от того, как решится вопрос ее цивилизационной принадлежности – является ли она исторически и культурно частью Европы или все же тяготеет к России.

Что же стоит за современным культурным фундаментализмом? Валлерстайн объясняет изменение места культуры в современном политическом дискурсе прежде всего как реакцию на кризис либерального (универсалистского) проекта модернизации. В либеральных концепциях модернизации и национального развития традиционная (национальная) культура рассматривалась как тормоз на пути реформ, как то, что необходимо преобразовать, трансформировать, подчинить универсальной логике модернизации. Практическим результатом такого подхода стало одностороннее включение экономически отсталых стран в капиталистическое разделение труда на основе создания анклавов капитализма и постепенной деградации традиционных форм хозяйствования, люмпенизация основной массы населения. Поэтому в 70-80-е годы стали возникать концепции “устойчивого развития”, содержащие требование модернизации, которая учитывала бы специфику традиционной культуры и не разрушала существующий образ жизни и формы хозяйствования. Однако и сам либеральный фундамент модернизации начал давать трещину. Вторая волна модернизации, в процессе которой аутсайдеры отвергли культурный патернализм Запада, оказалась анти-западной по своим ценностям и ориентациям (пример идеологического сдвига от универсализма к партикуляризму).

Любопытно, что примерно так же видит этот процесс и антипод Валлерстайна – С. Хантингтон. Для него возрождение религиозных и цивилизационных ценностей, поиск идентичности является реакцией на результаты модернизации – урбанизацию, слом традиционного образа жизни. То же самое происходит, по его мнению, в бывших советских республиках – ценностный вакуум после распада советской системы стал заполняться традиционными культурными символами.

Однако Хантингтон -- эссенциалист: для него цивилизация является чем-то изначально существующим, “возрождение цивилизаций” представляет собой возвращение к подлинным (хотя и партикулярным) ценностям в результате отказа от ложного и искусственного универсализма идеологий. Позиция Валлерстайна – иная: он не приемлет понятия цивилизации именно ввиду его идеологической нагруженности и противопоставляет ему понятие исторической системы. “Историческая система соответствует эмпирической реальности: династия Тан в Китае, Римская империя или держава монголов были историческими системами. Цивилизация соответствует нынешнему представлению о прошлом, с точки зрения использования последнего в настоящем, чтобы обосновать и оправдать наследие, обосновать права” [Там же, с.179].

Понятие капиталистической мир-экономики, как оно сформулировано у Валлерстайна, не позволяет рассматривать “возрождение цивилизаций” как объективную историческую тенденцию

современного мира. В процессе своего развития и территориальной экспансии "КМЭ уничтожает все иные существующие в мире ИС. Они перестают существовать как эмпирические ИС, и их влияние сохраняется лишь в виде цивилизационных претензий, истинность которых прямо пропорциональна степени их эффективной защиты теми или иными группами. Когда мы говорим об арабском баасистском ренессансе, это значит, что какая-то большая группа лиц претендует цивилизованно быть "арабами" в современной мир-системе и выдвигает свои социальные требования в этнокультурной форме. Могут ли христиане, как мусульмане, быть арабами? Являются ли мавританцы арабами? На эти вопросы можно ответить только в рамках идеологии и с ее позиций" [Там же, с.179].

Поэтому цивилизации, как и нации, возникают не в результате "возврата" к традиции, а в результате ее "изобретения"; процесс ресекуляризации мира, о котором пишет Хантингтон, в действительности представляет собой "рефлексивную ресекуляризацию" (если использовать понятие рефлексивности Ульриха Бека).

"Возрождение цивилизаций", по Валлерстайну, - это одновременно и форма сопротивления капитализму, и форма участия в капиталистической мир-системе. Претензия на культурное, религиозное, цивилизационное своеобразие - тот способ, которым страны капиталистической периферии (а чаще - лидеры полупериферии, стремящиеся войти в состав ядра) выражают свои требования пересмотра сложившейся политической и экономической иерархии. Вызов господствующей либеральной (западной) геокультуре со стороны "возрождающихся цивилизаций" - это одно из проявлений всеобъемлющего кризиса КМЭ.

Те же процессы происходят сегодня на уровне национальных государств: если раньше универсалистское понятие культуры отвечало задаче легитимации неравенств этнических и расовых меньшинств (причина отставания виделась в несчастливом культурном наследии, которое будет со временем преодолено на путях "развития"), то теперь концепция мультикультурализма претендует на реконструкцию нации как конгломерата культур. Артикулирование культурных особенностей этнических групп внутри национального государства представляет собой форму заявления несогласия, проявления сепаратизма и одновременно требование включенности в социальные процессы, ассимиляции.

В обоих случаях государство через свои институты (школу, армию, прессу) играет решающую роль в формировании национальной идентичности. Государство - это не продукт национального развития и не показатель зрелости нации, скорее наоборот, нации и национализмы являются историческим результатом функционирования КМЭ. "Система национальных государств структурировала не только их взаимные отношения, но и отношения индивида к государству, которые в 19 веке приняли форму "гражданства". Юридически каждый индивид принадлежит только к одной целостности, каждая из которых призвана принимать ряд решений в сфере культуры (государственный язык, образование, собственность и т.д. К тому же, поскольку государство становится главным механизмом распределения общественного дохода, оно должно оказывать финансовую поддержку искусству и науке, должно делать свой выбор. Ясно, что в любом государстве после ста лет принятия таких решений будет существовать "национальная" культура, которой ранее не было, и будет изобретено или институционализировано культурное наследие" [Там же, с.146].

При этом государства ядра могут позволить себе политику мультикультурализма (равно как и политику рыночного либерализма) именно в силу своего доминирующего положения в КМЭ, в то время как государства бывшего Советского блока, а тем более страны СНГ обречены на политику культурной унификации, поскольку в рамках существующей геокультуры могут заявить свои претензии на место в КМЭ только в форме национальной идентичности.

Валлерстайн особо подчеркивает роль социальных наук в формировании геокультуры КМЭ. По его мнению, парадигма социальных наук, возникшая в 19 веке - структура разделения интеллектуального труда - отразила триумф либеральной идеологии. Либеральная концепция рациональных и управляемых реформ требовала инструментального социального знания. Поскольку либерализм исходил из того, что основой социального прогресса является разграничение трех сфер человеческой активности, имеющих отношение к рынку, государству и человеку, им соответствовали отдельные области научного познания со своими законами и языком: экономика, политическая наука, социология. Все они развивались как универсальные науки, основанные на эмпирических исследованиях, и претендующие на объективность независимо от культурного кон-

текста. Однако в действительности они отражали эмпирическую реальность стран капиталистического ядра, включенных в процесс модернизации и принимающих исторические изменения как социальную норму (примитивные общества как “неизменные”, “неисторичные” – отклонение от нормы – изучала антропология). Однако, что еще более важно – само собой разумеющейся единицей исследования было национальное государство. Ульрих Бек, используя выражение Энтони Смита назвал этот принцип структурирования социального знания, доминирующий в эпоху первой современности, “методологическим национализмом”: государство и общество совпадают, общество существует только в форме государства [4, p.64]. Социальные науки в парадигме первой современности призваны обслуживать это единство государства и общества, как показывает Валлерстайн – через механизм универсализма/партикуляризма.

По мере интеграции в КМЭ новых членов существующая парадигма социального знания, обслуживающая либеральную (западную) геокультуру, подвергается ревизии. Однако (попытаемся в этом пункте продолжить логику Валлерстайна) здесь есть два пути. Первый – когда наука используется правящими элитами этих стран для легитимации претензий на более справедливое участие в КМЭ (например, через “вхождение в Европу”) на основе апелляции к национальным, религиозным, цивилизационным ценностям и особенностям (примером, является на мой взгляд этнопсихология да и в целом та парадигма культурологии, которая господствует в наших вузах). На этом пути мы имеем дело с укреплением культурного фундаментализма. Второй путь предполагает деконструкцию культурного фундаментализма: здесь для нас может быть интересен опыт так называемых постколониальных исследований. Я думаю, что мы как социальные исследователи стоим именно перед таким выбором. Заслугу МСТ я вижу именно в том, что критика либеральной геокультуры и анализ роли универсализма/партикуляризма в воспроизводстве и трансформации КМЭ является важным вкладом в критику культурного фундаментализма.

Рыночный фундаментализм.

Рыночный фундаментализм – вторая важнейшая доминанта современного политического дискурса. Вначале в 80-е годы поворот к неолиберальной доктрине свободного рынка и ограничения социального государства начался в политике развитых стран, затем во многом под идеологическим давлением Запада начались так называемые рыночные реформы в странах Центральной и Восточной Европы и СССР, наконец глобализация – бесспорный политический хит второй половины 90-х – также была представлена широкой публике как торжество законов рынка над политическими и социальными ограничениями и идеологическими предубеждениями прошлого – прежде всего как либерализация мировой торговли и мировой финансовой сферы. Современное мировое сообщество предстает через призму рыночного фундаментализма как мировой рынок. Постоянное усиление зависимости от мирового рынка отдельных государств, регионов, отраслей рассматривается как одномерный линейный процесс, не имеющий ограничений.

Рыночной глобализации на мировом уровне соответствует рыночная либерализация на уровне отдельных государств, и прежде всего это касается посткоммунистических стран. Идеологически рыночная либерализация была представлена здесь как возвращение к “естественному порядку вещей” из коммунистического тупика, как торжество ценностей свободы и индивидуализма над тоталитарным прошлым. Мне уже приходилось писать в одной из своих статей о той роли, которую сыграла идеология “свободного рынка” в процессах делегитимации социалистической системы и становления капитализма. Основой идеологии “свободного рынка” в начале реформ стала антитеза рынка и командно-административной системы как несовместимых и взаимоисключающих моделей организации экономики. При этом они рассматривались как идеологические символы, а не как эмпирическая реальность. Командно-административная система наделялась всеми возможными пороками: неэффективностью, отсутствием стимулов к труду и инновациям, приоритетом распределительной справедливости перед экономической эффективностью и государственным патернализмом. Естественно, что рынок (отождествляемый с рыночной экономикой развитых стран Запада) описывался в противоположных понятиях: экономическая эффективность, заинтересованность в труде, способность к инновациям. Миф о косности и неэффективности “командно-административной системы” – и “героях-предпринимателях”, подрывающих ее своим “рыночным поведением”, способствовал легализации теневых экономических структур и теневых капиталов бюрократии и партийного аппарата.

Кроме того, идея свободного рынка была отождествлена в массовом сознании с идеей свободы личности в широком смысле, как возможности самовыражения и творчества, реализуе-

мой через предпринимательскую деятельность. Рыночная экономика в популярном изложении была представлена как пространство неограниченных возможностей для творческой и новаторской деятельности, как более справедливая система, вознаграждающая за инициативу, усилия и предприимчивость. Тем самым, идеология свободного рынка окончательно делегитимировала коммунистический режим, представив систему уравнительного распределения и государственного патернализма как несправедливую и неэффективную. В то же время целенаправленная пропаганда ценностей свободного рынка и частной инициативы использовалась властью для оправдания резкой смены курса в области социальной политики. Частное предпринимательство было предложено как главная стратегия самообеспечения и экономического выживания в современных условиях.

Я сошлюсь также на статью Питера Гована, который показал, как неолиберальная парадигма реформ, навязанная Западом странам Восточной Европы в виде специального пакета требований (свобода торговли, конвертируемая валюта, форсированное создание частного сектора) обеспечивая открытость посткоммунистических экономик, прежде всего отвечала интересам западного бизнеса. Как пишут венгерские исследователи Ласло Андор и Мартин Саммерс, «идеология сыграла огромную роль в формировании экономической политики после 1989 года» [13, р. 32]. Политика форсированной маркетизации была призвана прежде всего уничтожить экономическую основу коммунистической системы и сделать политические реформы необратимыми. Эта политика преследовала в значительной мере неэкономические политические и культурные цели [13, р. 35]: в странах Восточной Европы «рыночными маоистами» была осуществлена Великая Буржуазная Культурная Революция.

Какими же возможностями обладает МСТ для критики рыночного фундаментализма?

Главное, с моей точки зрения, заключается в том, что нейтральному деидеологизированному понятию «свободного рынка», ключевому для неолиберальной парадигмы, МСТ противопоставляет понятие капиталистической мир-экономики, в основе развития которой лежит логика накопления капитала. Кроме того, определение капитализма включает систему суверенных государств как политическую основу КМЭ, иерархию отношений центр-периферия, различные формы обмена и формы мобилизации труда, а также геокультуру как способ легитимации КМЭ. Поэтому понятие КМЭ, в отличие от понятия рынка, не вписывается в дисциплинарную логику «экономикс», и глобализация не может рассматриваться как одномерный экономический процесс.

С точки зрения МСТ феномен глобализации, дополняемый рыночной либерализацией национальных экономик, не является принципиально новым. В статье «Геокультура развития» Валлерстайн показал, что либеральная концепция национального развития, предложенная третьему миру как модель догоняющей модернизации, всего лишь изменила упаковку: «вчера это было государственное планирование и замещение импорта, сегодня – шоковая терапия и экспортно-ориентированная рыночная специализация» [14, р. 218]. Рыночный либерализм, легитимирующий доминирующее положение стран ядра в КМЭ, одновременно эксплуатирует стремление стран периферии и полупериферии войти в ядро или повысить свой статус, служит для них своеобразным механизмом соблазна. С этой точки зрения рыночный либерализм выполняет ту же роль, что раньше выполнял социализм – обеспечивает идеологию догоняющей модернизации. Если раньше достижение этой цели виделось на пути мобилизации внутренних ресурсов и национального развития, то теперь – через максимальное включение в мировой рынок.

Поскольку с точки зрения МСТ мы имеем дело не просто с мировым рынком, а с капиталистической мир-экономикой, процесс инкорпорирования в нее новых государств – это одновременно включение в существующую иерархию центра-периферии. В этом контексте разговор о рынке, рыночной либерализации является абстрактным и непродуктивным. Степень развития рынка (а в терминах Чейз-Данна уровень и формы коммодификации, труда земли, богатства), способы мобилизации труда и контроля над ним (экономические или административные) во многом определяются местом страны в иерархии отношений центр-периферия, а не являются предметом сознательного политического выбора. В этой связи мне кажется продуктивным подход Чейз-Данна, который предлагает рассматривать коммодификацию как вариативный процесс, исследовать эмпирически ее формы и пределы в отношении каждого отдельного фактора производства. С этой точки зрения рассуждения о рыночной либерализации являются рассуждениями в терминах идеологии, а не эмпирической реальности.

В контексте КМЭ, структурированной отношениями центра-периферии, более продуктивным было бы говорить о различных формах социальной интеграции, где рынок – это только одна

из форм, доминирующая в странах ядра. Что же касается периферии и полупериферии, здесь определяющее значение имеет политическая и нормативная интеграция. Соответственно, в зависимости от положения государства в существующей иерархии КМЭ в его экономике преобладают те или иные формы мобилизации труда: нормативное регулирование, труд, основанный на личной зависимости, обложение производителей налогами (государство) или данью (негосударственные структуры), заработная плата свободных наемных рабочих. То же можно сказать и о формах обмена (дар, государственно-административное перераспределение, натуральный обмен, обмен посредством денег). Преобладающий способ накопления капитала определяется комбинацией этих разнообразных форм.

Уровень коммодификации рабочей силы не только варьируется от центра к периферии, но и изменяется в зависимости от фазы цикла – расширения, стагнации или сокращения КМЭ. Домашние хозяйства выступают в этом случае как резервуар дополнительной рабочей силы, поэтому структура домашнего хозяйства во многом зависит от динамики КМЭ. В периоды циклического расширения КМЭ доля заработной платы в бюджетах домохозяйств повышается. Стагнация заставляет домашние хозяйства увеличивать размеры и полагаться на внутрисемейное натуральное производство. Сегодня в Украине рост натурализации домашнего хозяйства происходит на фоне снижения доходов от оплачиваемой занятости. Согласно обследованию бюджетов семей Украины, проведенному Госкомстатом, в 1998 году доля оплаты труда сократилась в структуре среднедушевого совокупного дохода в 1,5 раз по сравнению с 1990 годом, доля социальных выплат (пенсии, стипендии, субсидии) также снизилась на 3,3%, в то же время доля поступлений от личного подсобного хозяйства и доходов из других источников (главным образом частные трансферты) возросла соответственно в 2,6 и 2 раза. Это свидетельствует о сокращении удельного веса денежных доходов в семейном бюджете и увеличении доли поступлений в натуральном виде.

Подход Чейз-Данна, исходящего из многообразия форм обмена и форм социальной мобилизации труда, в чем-то близок другому альтернативному подходу – теории эксплоярных структур и неформальной экономики Теодора Шанина. Возможно, потому что оба опираются на идеи Поланьи о разнообразии форм социальной интеграции, социальной сконструированности рынка и коммодификации, социальной укорененности экономических структур. Однако шанинская “экономика обочин” отличается, на мой взгляд, именно антисистемным пафосом (название одной из его статей – “Формы хозяйства вне систем”): Шанин стремится показать, что массив неформальных экономических практик, выпадающих из логики доминирующей экономической системы (будь это капитализм или государственный социализм) и определяет сегодня лицо реальной экономики.

В отличие от теории Шанина (а уже тем более неолиберальных теорий) в рамках МСТ вполне уместно поставить вопрос о том, что же представляет собой украинский капитализм, и вообще существует ли он? С этой точки зрения подход Чейз-Данна кажется мне лично более продуктивным, чем позиция Валлерстайна, поскольку для последнего он сводится в основном к степени интеграции национальной экономики в КМЭ. Компаративистский подход Чейз-Данна, учитывающий различные уровни социальной интеграции, разнообразные формы обмена, уровни и формы коммодификации, и в то же время позволяющий выделить логику доминирующего способа накопления, кажется мне более перспективным. Однако попытка применить этот подход к украинским реалиям безусловно требует отдельной работы.

Таким образом, позиция мир-системного анализа заключается в том, что вопреки неолиберальной идеологии “свободный рынок” – это роскошь, позволить себе которую в полной мере (и воспользоваться его преимуществами) могут только страны ядра. Природа капитализма (и капиталистической мир-экономики) такова, что монополисты стремятся лишить большинство населения возможностей открытого рыночного обмена. Высокая норма прибыли невозможна в условиях прозрачного, открытого и демократичного рыночного обмена, для ее обеспечения требуется вмешательство государства как гаранта монополии, внеэкономическое принуждение, ограничение рынка. Поэтому неолиберальная рыночная риторика отвечает интересам определенных социальных групп в КМЭ, а реальные экономические процессы должны быть рассмотрены с учетом нарабатанного МСТ концептуального аппарата.

Література

1. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Touchstone, 1997).
2. Braidotti, Rosi. *Nomadic Subjects. Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory* (New York: Columbia University Press, 1994).
3. Gowan, Peter. *The Global Gamble. Washington's Faustian Bid for World Dominance* (London and New York: Verso, 1999).
4. Beck, Ulrich. *What is Globalization?* (Cambridge: Polity Press, 2000).
5. Brenner, Robert. 'The Origins of Capitalist Development: a Critique of Neo-Smithian Marxism,' *New Left Review*, No. 104 (July-August 1977).
6. Chase-Dunn, Christopher and Hall, Thomas D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems* (Boulder, CO: Westview Press, 1997).
7. Wallerstein, Immanuel. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms* (Cambridge: Polity Press, 1995).
8. Chase-Dunn, Christopher. *Global Formation: Structures of World Economy* (Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1998).
9. Wallerstein, Immanuel. *After Liberalism* (New York: The New Press, 1995).
10. Wallerstein, Immanuel. 'Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System,' *Hitotsubashi Journal of Social Studies*, Vol. 21, No. 21 (August 1989).
11. Yuval-Davis, Nira. *Gender and Nation* (London: SAGE, 1997).
12. Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН РАН, 1998.
13. Andor Laszlo & Martin Summers. *Market Failure: A Guide to the East European "Economic Miracle"* (London: Pluto Press, 1998).
14. Wallerstein, Immanuel. 'The Geoculture of Development, or the Transformation of our Geoculture?,' *Asian Perspective*, Vol. 17, No. 2 (Fall-Winter 1993).

ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКА ДЕТЕРМІНАНТА "СВІТ-СИСТЕМИ" І. ВАЛЛЕРСТАЙНА

Т.А. Андрєєва

(Донецький державний університет))

Сучасний стан соціальної науки характеризується новим антропологічним поворотом. Вчені ХХ сторіччя все частіше звертаються не тільки до "феномена людини", а й до осмислення концепту "людство". І.Валлерстайн - не просто один із таких вчених. Запропоноване ним глобальне бачення соціуму, яке підкріплюється детальним економічним аналізом, вирізняється оригінальністю рішення актуальних загальнолюдських проблем.

У вітчизняній літературі вчення І.Валлерстайна тільки зараз стає об'єктом пильного інтересу. Донедавна творчості цього вченого присвячували лише стислі замітки, в яких схематично фіксувалася основна характеристика його теорії, перераховувалися деякі її поняття. Так, наприклад, автори словника "Современная западная философия" [1, с. 201] відносять навчання І. Валлерстайна до неомарксизму, до тієї його неортодоксальної частини, представники якої вивчають проблеми "третього світу" і капіталізму як світової системи. Пояснення цьому - ідеологічна обмеженість радянської соціальної науки, відсутність у філософському обігу праць І. Валлерстайна. Зараз наші вчені одержали можливість вільного аналізу валлерстайновських робіт... [2; 3]. Їхнього автора вже не просто відносять до прихильників неомарксизму, а вважають "...фундатором нового напрямку в постнекласичній соціології" [4, с. 21]. Предмет аналізу даної роботи - значення "світ-системи" у контексті проблематики "загальнолюдського" і соціальної універсальності.

Дослідники, як відомо, виділяють різні компоненти концепції універсальності, серед яких - ідея прогресу людства, ідея загальнолюдської (глобальної) цивілізації, ідея взаємного зв'язку людства; символ універсальних норм і цінностей та ін. Які з цих ідей мають місце в валлерстайнівській системі? І.Валлерстайн констатує, що сучасна соціальна наука ґрунтується

на помилковій методології (роз'єднаність наук про суспільство, відсутність у них динамізму та ін.) На шляху подолання подібних методологічних хиб він позначає основні напрямки дослідження суспільства: намагається зафіксувати концептуально реальність мінливого світі, відповідні поняття.

Згідно з Валлерстайном, всі існуючі наукові абстракції константні, тоді як світ є динамічним. Саме тому їхнє застосування в соціальному аналізі обмежене і неефективне, а структурні зміни у світі повинні досліджуватися на основі нової методології. Заперечення соціальної науки XX сторіччя виливається в концепції Валлерстайна в спробу системного аналізу суспільства на основі єдиної науки: "соціальна наука - це встановлення комплексу законів відповідно до яких пояснюється людська суспільна поведінка" [3, с. 26]. Її ціль - знайти "золоту середину" між трансісторичними узагальненнями й одиничними чинниками. Вчений фіксує в першу чергу негативізм у відношенні до структурованого аналізу соціума, характерного для ідеологізованого позитивізму.

Поняття "історичної системи", "світ-економіка", "сучасна - світ - система" концептуально визначають світ-системний аналіз, що за Валлерстайном виступає не теорією про світ суспільства або його частини. Негація соціальної детермінації об'єднується з чіткою логікою твердження економічного глобалізму. П.Штомпка навіть вважає, що така позиція, ("марксистські корені") дається без урахування культурних чинників і не дозволяє уявити глобальне співтовариство у всій повноті [5, с. 126].

Проблеми багатополюсного світу різноманітних цивілізацій аналізує і С.Хантингтон. Як і Валлерстайн він вважає, що з XVI сторіччя контакти між народами мають не епізодичний, а систематичний характер. Але ці автори по-різному розуміють співвідношення реалій сучасності. Перший зводить розходження між людьми до культурних ознак і формулює "...головне питання з усіх, що можуть стояти перед людиною: хто ми такі?" [6, с. 532]. При цьому чітко задаються параметри відповіді: необхідність відмежування від інших ("ким ми не є") і визначення ворога ("проти кого ми виступаємо"). Звідси логічно випливає хантингтонська ідея сутички цивілізацій: "...у новому світі регіональна політика здійснюється на рівні етнічних відношень, а глобальна - на рівні відношень між цивілізаціями" [6, с.532]. Основу конфліктів Хантингтон вбачає не в економічних і соціальних, а в культурних детермінантах: приналежність народу до різноманітних культур проголошується основоположною.

Обидва мислителя негативно оцінюють парадигму еволюціонізму XIX в. Але на відміну від Валлерстайна "...Хантингтон пориває з цією парадигмою ... не по світоглядним, а по кон'юктурним мотивам. Не як універсаліст, що піднявся на більш високий рівень у розумінні єдності культурного різноманіття, а як реаліст, що усвідомив даремність нав'язування західної моделі культурної однаковості" [7, с. 115].

Абсолютизуючи Захід, Хантингтон заперечує світ-культуру, пропонує розглядати людство як сукупність культурних ареалів ("цивілізацій"). Його відношення до універсальних цінностей детерміновано жалкуванням з причини того, що: "...на фундаментальному рівні в світі стає більше модерності, але менше вестерності" [6, с. 117]. Виходить, що універсальність поширюється лише на один Захід, що звужує царину "загальнолюдського" до географічних параметрів одного регіону. Міркування ж про наявність західних цінностей в інших місцях - сутності концепції "війни цивілізацій" не змінюють.

Такий підхід робить проблематичним синтез національних особливостей з універсальними цивілізацій. Валлерстайн же міркує з позицій "загальнолюдського". Виступаючи проти розподілу соціальної реальності на політику, економіку, культуру він для забезпечення цілісності дослідження, можливості згаданого синтезу об'єднує ці поняття.

Чи заперечує Валлерстайн при цьому прогрес? У його роботах має місце множина міркувань, в яких негативно оцінюється оптимістичне бачення соціального розвитку.

Відповідаючи на питання статті "Зміна вічно? Ніщо ніколи не змінюється?" Валлерстайн говорить про протиріччя, що може виникнути, якщо прийняти за аксіому універсальність соціальних законів (їх позачасовість і географічну автономність). Він думає, що залежність засобів взаємодії людей від таких універсальних законів приводить до заперечення змін. Проте, при цьому автор думає, що "... у моральному й інтелектуальному відношенні набагато надійніше припустити можливість прогресу". [2, с. 21] Валлерстайновський негативізм спрямований проти жорсткої детермінації прогресивного

розвитку. Але вчений не песиміст, а помірний оптиміст в питанні про перспективи соціального розвитку, що визнає загальнолюдські цінності: "...якщо звернути увагу на загальну історію людства, то виявляється, що неможливо твердити про існування якогось лінійного тренда ... може бути в 21 ст. суспільствознавці, володіючи більш глибоким баченням реальності, зможуть дозволити собі визнання того, що глобальні вічні тенденції існували завжди і незважаючи на всі циклічні ритми, постійно переходили з одних історичних систем до інших" [2, с. 21].

Апеляція до поняття "людство", "як деякої універсальної світової особистості" визначає дилему національного і загальнолюдського в трактуванні Валлерстайна. Дилема "універсум культур - універсальна культура" вирішується ним на основі взаємозв'язку особливостей одиничного і специфічності загальнолюдського. Більш того, національне повинно бути взаємозалежним з універсалістськими цінностями, що сприяє забезпеченню національного суверенітету як універсальної природної цінності й економічного розвитку на цій основі.

Загальнолюдська детермінанта характерна і для його міркувань про роль загальної взаємозалежності "у пункті системної біфуркації, де ми, - на його думку, - знаходимося" [2, с. 20]. Валлерстайн порушує питання про характер історичної системи в найближчі 50 років: "Чи буде вона за структурою єдиною для всіх географічних зон або ж в різноманітних регіонах планети з'являться свої специфічні структури?" [2, с. 20].

Він по суті визнає загальнолюдським чинником наявність універсальної, репрезентативної залежності між усіма людьми, яка виступає як кумулятивний результат їхнього взаємозв'язку. Саме тому людина, по Валлерстайну, належить не до одного, конкретного суспільства, але і до "...сукупного історичного життя людей на планеті, світу-системі в цілому" [2, с. 14]. Таким чином, у концепції Валлерстайна знаходять втілення і своєрідне тлумачення деякі із відзначених вище компонентів парадигми універсальності (ідеї прогресу, загальнолюдської цивілізації, співвідношення національного і універсального). Особливо детально розроблена ідея взаємного зв'язку людства.

Валлерстайн розглядає горизонтально, а не в ієрархічно вертикальному аспекті всі "кутки соціального універсума". І в цьому - гуманістична значимість його теорії, яка є загальнолюдською детермінантою дослідження соціуму.

Література

1. Современная западная философия. - М., 1991.
2. Валлерстайн И. Изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социс. - 1997. - №1.
3. Глобальные и региональные проблемы в работах И.Валлерстайна. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН, 1998.
4. Учебный социологический словарь. Под ред. Кравченко С.А. - М., 1997.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М., 1998.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. Антология. Под ред. В.А.Иноземцева. - М., 1999.
7. Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом. - М., 1998.

ПЕРСПЕКТИВИ "СВІТОСИСТЕМНОЇ" ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ВСЕСВІТНЬОЇ ІСТОРІЇ

Е.А. Афонін,

(Інформаційне управління Апарату Верховної Ради України,
президент Українського товариства сприяння соціальним інноваціям)

А.Ю. Мартинов

(Інститут історії України НАН України)

В сучасному міждисциплінарному науковому дискурсі, що розгортається в контексті "світ-системного" аналізу професора І. Валлерстайна, актуальною стає проблема макро-соціологічного осмислення історії та інтерпретації історичної динаміки циклів світової гегемонії. Власне ця мотивація й викликала появу нової дослідницької концепції, що її репрезентують авто-

ри статті в своїй новій книзі *"Суспільний розвиток від Різдва Христового"* [1]. Нижчеподана стаття є по суті стислим викладенням окремих положень зазначеної роботи. В цілому ж ця робота за своїм змістом може розглядатись, на думку авторів, як така, що лежить в лоні традиції "світ-системної теорії" І.Валлерстайна.

Великий контроверз

З точки зору макросоціальних змін найпомітнішим явищем всесвітньої історії є революція. Адже вона являє світу нових дієвих осіб. Вона ж спричинює принципово новий облік окремих країн, регіонів, людства в цілому. Саме такою стала для людства Велика французька революція 1779-1784 рр. Навряд чи зможе хто пересилити висновок, що власне ця подія протягом останніх двох століть визначала характер людського розвитку.

Проте на межі третього тисячоліття від Різдва Христового людство стикається з проблемою глобалізації трансформаційних процесів. Започатковані під час "Великої депресії" (1929-1933 рр.) в країнах Західної Європи і Північної Америки, ці процеси наприкінці ХХ століття отримали новий потужний імпульс, охопивши країни Центральної та Південно-Східної Європи, а також значну частину Азії.

Зазначені тенденції та пов'язані з ними проблеми зростання стимулювали дослідницький пошук представників соціальних наук. Проблеми демографії, бідність та безробіття, обмежене використання соціальних та економічних можливостей суспільства, нераціональне управління ресурсами, інфляція, послаблення глобальної безпеки та гонка озброєнь, забруднення навколишнього середовища та руйнація біосфери, – всі ці проблеми, на які свого часу звертали увагу доповіді Римського клубу [2], знов набули актуальності як невід'ємні супутники нового етапу суспільного розвитку.

З часу війни 1990-1991 років у Перській затоці знов стають реальністю численні конфлікти за перерозподіл ресурсів (природних, енергетичних, біологічних, культурних, інформаційних та інших). Новий світовий порядок народжується в кращих традиціях експансіоністської політики. Країни, які досягли постіндустріальної стадії розвитку (стану, коли людський інтелект та різні форми інформації стають провідними факторами розвитку економіки), висувають імперативи поведінки на міжнародній арені для решти країн світу. Це дає підстави навіть говорити про постмодерний колоніалізм.

Нова постіндустріальна епоха породжує власну ідеологію – постмодернізм. Цей термін, введений на початку 80-х років в наукове обертання французьким філософом Ф.Ліотаром, формалізував спочатку феномен скептицизму щодо раціоналістичних традицій епохи Просвітництва. Але вже наприкінці 90-х років постмодернізм набирає рис глобальності, віддзеркалюючи всі сфери інтелектуальної діяльності і відповідно стимулюючи розвиток нових парадигм. І хоча постмодернізм заперечує саму можливість соціальної теорії, все ж кінець тисячоліття, формальний початок нової історичної епохи висувають імперативну потребу нової парадигми соціальної теорії. Адже історія (яка є буттям у дії) завжди виходить за вузькі межі тимчасових концептуальних моделей. Вона часто спростовує соціально-філософські прогнози, які формуються у визначений час і за певних обставин. Зміна ж обставин, що суттєво впливають на прогнозування тенденцій розвитку, збільшує прірву між передбаченням та дійсністю. Нерозуміння нової топології світу стає джерелом помилок, що стимулюються відсутністю проекту майбутнього "далекого обрію" [3].

В цьому контексті показовою є нещодавня дискусія щодо соціальної науки в сучасному світі між колишніми президентами Міжнародної соціологічної асоціації І.Валлерстайном і М.Арчер. Якщо Валлерстайн ставить нове глобальне завдання висвітлення факту кінця однієї і початку нової епохи, а також можливих форм переходу до неї, то М.Арчер наголошує, що соціальна наука не може відігравати роль радикального перетворювача дійсності [4].

Теоретичні побудови створюються на відповідних рівнях абстракції. Аналізуючи ж об'єкти різного масштабу, завжди виникає потреба у "знятті" протиріч між формами розвитку. Досягти цього можна, спираючись на універсальні закони та результати досліджень природничих наук. Отже, мова може йти про соціальну науку, котра намагається стати точною наукою, нормативною для всіх сфер суспільного життя і політичної сфери зокрема. На думку авторів статті, у зазначеному контексті цілком правомірна постановка завдань щодо створення "соціальної інженерії" як спеціальної теорії і практики, покликаної вирішувати нагальні проблеми

функціонування та розвитку соціальних - соціально-суспільних та соціально-особистісних утворень.

Модель універсального епохального циклу

Одним із важливих кроків на шляху розв'язання завдань "соціальної інженерії" може стати розробка і застосування універсальної моделі епохального циклу як одиниці аналізу та засобу соціальної прогностики на рівні конкретних країн, регіонів, цивілізацій. Пропонуючи попередню версію моделі, автори солідаризуються із зауваженнями, що в "лінійному" (розмірно незмінному) часі, коли майбутній суспільний стан здебільшого детерміновано попереднім, історія мала б незмінних лідерів прогресу. Однак історична практика реалізує свої альтернативи, періодично змінюючи центри світового розвитку [5].

Застосування запропонованої моделі, враховує, на думку авторів, можливість використання методів різного концептуального походження. Останнє тільки збагачуватиме змістовне тлумачення історії, включно з "поворотними" (перехідними) моментами її розвитку. Мова, наприклад, може йти про теорію Дж.Модельського щодо періодичної зміни глобального історичного процесу кожні 500 років [6]. Описані в цій теорії довгі 500-річні цикли всесвітнього розвитку корелюють із 120-річними політичними циклами та 60-річними циклами, що їх репрезентують економічні "хвилі Кондрат'єва". На основі аналізу цих циклів робиться прогноз щодо визначення країн-гегемонів на певний історичний період. Можна лише додати, що одним з головних завдань соціальної інженерії, яка перегукується з ідеями циклічного розвитку, є прогнозування розвитку соціально-історичних процесів.

Доречно згадати, що Карл Поппер називав спроби прогнозу розвитку всесвітньої історії "злиденністю історизму". Він наголошував на принциповій неможливості наукового прогнозування з використанням раціональних методів. Оскільки, по-перше, універсальної історії людства не існує, а є лише окремі варіанти історій різних частин людського суспільства. По-друге, в історії існують випадкові, ірраціональний та особистісний фактори. По-третє, людська історія – унікальний і неповторний процес. Зазначимо, що цей прогностичний агностицизм К.Поппера цілком спростовує соціальна синергетика як наука про закономірності взаємодії соціального порядку та хаосу. Адже сутність соціальної реальності не обмежується однобічним збільшенням порядку (О.Конт) чи однобічним зростанням ступеня свободи (хаосу) (Г.Спенсер). Еволюція дисипативної структури, що її репрезентує синтез хаосу і порядку, є зростання ступеня синтезу порядку і хаосу, зумовленого потягом до максимальної стабільності [7].

Соціальна синергетика довела недоцільність однакового семантичного розуміння понять "мета" та "сенси": відсутність мети історії не є ознакою відсутності сенсу, яким є рух до суператрактору, тобто до такого граничного стану, після досягнення якого система вже не може повернутись до жодного з попередніх станів. Саме цю помилку зробив К.Поппер у роботі "Злиденності історизму", тобто з констатації щодо відсутності у історії мети зробив висновок, що вона не має сенсу. Підкреслимо, що соціальна синергетика, розглядаючи суспільно-історичний розвиток як "кругообіг" порядку та хаосу, дає підстави синтезувати ідеї соціальної інженерії та циклічності соціального розвитку.

Отже, суспільство як суб'єкт історії та цивілізації проходить в своєму розвитку великий життєвий цикл. Ця траєкторія історичного руху соціуму є по суті реалізацією його окремих, послідовно втілюваних епохальних циклів.

Структура кожного з вищезазначених циклів може розглядатись як універсальна, що складається з чотирьох елементів: двох так званих "нормативних" періодів і двох "перехідних" фаз суспільного розвитку. При цьому "нормативні" періоди циклу мають об'єктивно фіксовані соціальні норми, структури і механізми, що протягом цього періоду невпинно відтворюють заданий соціальний порядок, певну соціальну реальність. Суб'єктивною свідомістю цей період історії сприймається як період суцільно стійкого суспільного розвитку. Відповідно й соціальна наука має тут справу з принципово незмінними порядками (ієрархіями) факторів та тенденціями соціального розвитку. "Перехідна" ж доба суспільного розвитку пов'язана із динамічними (швидкими) і кардинальними (сутнісними) історичними змінами, коли порушується звичний (сталий) соціальний порядок - структура, функції, відносини тощо. По відношенню до нормативних періодів циклу перехідна доба виявляє певну специфіку - розмитість соціальних нормативів, структур і механізмів, спричинена процесами трансформації, формування нового соціального порядку. Людська

свідомість сприймає цей стан як суцільний хаос, а соціальна наука має справу з виявом проявів аномії, підміною ієрархій та тенденцій розвитку флуктуаціями його "старих" і "нових" суспільних станів. Змістовно віддзеркалюючи ті чи інші властивості перехідної доби, соціальна наука позначила її такими поняттями, як: "революція", "депресія", "трансформація", "криза", "аномія" тощо.

Окрім спільних рис кожен з елементів структури універсального епохального циклу має свою специфіку, котру певною мірою віддзеркалює їх назва.

Так, назва першого нормативного періоду циклу - "інволюція" фіксує історичний сенс реалізації плану "Великого Модерну", засвоєння частинами соціальної системи-соціуму нових якостей, набутих під час революції. Отже, будучи формуючими за своєю природою, інволюційні процеси ніби вноормовують відповідну соціальну структуру і відносини. За цих умов влада набуває стимулів для посилення своїх інституцій. Представники останніх, використовуючи "заради добра" ім'я громади чи комуні, монополії чи колективу, отримують традиційну можливість приносити в жертву свободу і навіть життя людини-індивіду. Підтримуючи міфами цей стан жертвності, владна еліта безпосередньо сприяє перетворенню людини на "засіб". Закономірно, що в суспільстві набирають силу ті чи інші прояви технократії і секуляризації, наука тяжіє до фундаментальності, а освіта до універсальності. Модель демографічного відтворення характеризується відносними показниками великої народжуваності і великої смертності. В поколіннях відтворюється емоційно-чуттєва психологічна культура поведінки особистості, що лежить в основі домінуючих в цьому циклі екстенсивних форм господарювання, зростання екологічних проблем. В певному сенсі тут можна говорити про "соціальну регресію", "спрощення соціальної структури", "посилення традиціоналізму", а суспільство в цілому ідентифікувати як "традиційне" і "закрите". Графічним взірцем традиційного суспільства з його вертикальною ієрархією може стати звичайна піраміда, підмурок якої внизу, а вершина - вгорі.

Другий нормативний період універсального циклу - "еволюція" характеризується в цілому інноваційним характером соціальних процесів, який забезпечує "соціальну прогресію". Саме цей період в історії усвідомлюється як період бурного суспільного розвитку, "кількісного накопичення" задля майбутнього революційного вибуху. Однак динамічна соціальна прогресія еволюційного періоду не є чимось відірваним від попереднього періоду інволюції. Спираючись на здобутки попереднього інволюційного періоду, еволюція є доповненням і продовженням проекту "Великого Модерну", своєрідним "Постмодерном". Більш ранніми аналогами європейської еволюції в історії були періоди "Просвітництва" і "Єресі", яким передували відповідно періоди "Реформаторства" і "Виникнення". Графічна модель такого суспільства радше нагадує ту ж піраміду, але з незвично розміщеним підмурком вгорі. Для збереження стійкої рівноваги така піраміда ніби гіроскоп потребує інтенсивного обертання навколо своєї вісі. Функцію моменту сили для підтримки в рівновазі (сталості) подібного до гіроскопу суспільного стану виконують інноваційні процеси. Ці процеси живляться за рахунок ствердження когнітивної психо-культурної поведінки особистості. Все це порушує традиційні суспільні нормативні засади, спричинює інтенсивний характер господарювання, актуалізує екологічні проблеми, прикладну науку і вузькопрофесійну освіту. Відповідно ускладнюється соціальна структура, стимулюються процеси демократизації. Демографічну ситуацію характеризують показники відносно низької народжуваності і смертності. Ніби занудьгувавши за виснаженою моральністю, в суспільстві набирають певних сил гуманістичні тенденції.

Зазначимо, що в інтересах ідентифікації вищезазначених періодів інволюції та еволюції можна використати чимало емпіричних індикаторів - політичних, економічних, демографічних, психологічних, лінгвістичних тощо. Наприклад, для підтвердження релевантності гіпотези щодо різного рівня складності соціальних структур інволюційного та еволюційного суспільств можна використати відносний показник кількості номенклатури спеціальностей (соціальних ролей). Так, за даними ЮНЕСКО, в країнах, які пережили часи великої депресії 1929-1933 рр. кількість соціальних ролей на початку 90-х років дорівнювала близько 70 тис. в той час, як для країн колишнього СРСР цей показник складав значення 30-40 тис. Очевидно, що перша група країн часів еволюції має вдвічі більшу структуру зазначених елементів, ніж друга група країн періоду інволюції.

Нормативні періоди в історії змінюються перехідними фазами суспільного розвитку - "коеволюцією" та "революцією". Революція, як відомо, є докорінний переворот у житті суспільства, який, з одного боку, підсумовує результати розвитку суспільства протягом поперед-

нього епохального циклу і, з другого боку, відкриває якісно новий етап (цикл) його розвитку. Цей процес пов'язаний з радикальними змінами соціетальних характеристик соціуму, виходом за межі "старого" циклу. Хронометрично він слідує за еволюцією і передувє інволюції. Коеволюція є порівняно меншим за масштабністю змін фазовим переходом від нормативного періоду інволюції до нормативного періоду еволюції. Цей перехід поєднує два нормативних періоди, що реалізуються в рамках одного епохального циклу і змістовно нагадують "різні сторони однієї медалі". Останнє підтверджують певною мірою емпіричні дані вимірювань соціетальних властивостей, здійснених авторами протягом 1987-2000 років в Україні, Росії, Білорусі [8].

Важливу роль у зміні періодів епохального циклу відіграє соціально-політичний феномен війн. Країни-суб'єкти військових дій ведуть і закінчують війни, знаходячись в різних фазах власного та всесвітнього циклів історичного розвитку. У випадку перемоги однієї з держав може відбутись визначальна для всього регіону корекція ритму їх циклів або навіть глобальні зрушення, як наприклад, після світових війн.

Для адекватного сприйняття моделі універсального епохального циклу важливими стають уявлення про посилення під час перехідної доби розвитку ролі соціального суб'єкту [9] - агента соціальних дій. Взявши до уваги можливу диференціацію останніх на два класи (суб'єкт-індивід і суб'єкт-соціум), можна зазначити, що за революційної доби активізується роль суб'єкта-індивіду, а під час коеволюції - суб'єкта-соціуму. Згадаємо Велику французьку революцію 1789-1794 рр., коли на історичній арені діяли такі яскраві особистості, як Мірабо, Дантон, Робесп'єр, Наполеон. Їх імена стали символами для подальших революцій, а історичні ролі - типовими для революцій останніх 200 літ. Практично те ж ми бачимо в Росії 1905-1917 рр., коли когорта активістів-революціонерів фактично перевищувала попит на них історії. Полярно протилежним чином виявляє себе під час коеволюційної перехідної доби суб'єкт-індивід. Тому лише одиниці з них залишаються в історії. Водночас цієї перехідної доби набирає реальної (а не декларативної) сили феномен "ми", "сім'я", "клан", "родина", "нація" тощо. Самоусвідомлення цього суб'єкта-соціуму, власне, й забезпечує реальні можливості виходу країни з кризи під час коеволюції.

Певне значення відіграють для циклічних змін трансформації часового простору, що їх знає суспільство перехідної доби. Зазначимо лише, що революція спричинює деформації в бік майбутнього. Це суттєво посилює в традиційному (інволюційному) суспільстві роль міфу, готовність людей до жертвності заради майбутнього тощо. Напроти, під час коеволюції відбувається деформація в бік минулого. Тому на фоні в цілому раціоналістичної і прагматичної поведінки людей посилюється їх інтерес до свого родоводу, історії країни, людства тощо.

Таким чином, ми, здається, довели, що для завдань соціально-історичного аналізу та прогнозування цілком адекватним, на нашу думку, є універсальний епохальний цикл, який складають чотири взаємопов'язаних елементи: революція-інволюція - коеволюція - еволюція.

Виходячи з вище наведеного, можна запропонувати увазі читачів окремі, наближені до сучасності сюжети інтерпретації всесвітньої історії з точки зору запропонованої концептуальної побудови.

Глобальний (цивілізаційний) рівень апроксимації моделі

Застосування моделі універсального епохального циклу до всесвітньої історії засвідчує, що від кінця XVIII - початку XIX століть бере початок черговий глобальний епохальний цикл (восьмий, якщо вести відлік від 3000 р. до н.е.). Його змістовне наповнення цілковито описують поняття індустріального та постіндустріального розвитку цивілізації.

Революційна (перехідна) доба циклу, що її "відкриває" для людства Велика французька революція, пов'язана із подальшим формуванням структури індустріального суспільства (буржуазні революції 1848-1849 рр. та соціалістичні революції 1905-1917 рр. в Росії, 1949 р. в Китаї, 1959 р. на Кубі тощо), відповідним розвитком промисловості та ринку. Цілковито не безпідставним в світлі визначеного підходу бачиться домінування протягом XIX - першої половини XX століть ідеологем, пов'язаних з поняттями "Революція", "Модерн", "Індустріальна епоха" тощо.

Виникнення монополій (приватних чи державних) стало закономірним результатом розвитку країн, своєрідним соціальним підсумком подальшого інволюційного періоду їх історії. Однак монополізація капіталу і притаманний йому екстенсивний спосіб господарювання лише прискорювали виснаження внутрішнього потенціалу країн, посилювали їх боротьбу за світові ринки збуту та сировини, стимулюючи імперські амбіції і готуючи ситуацію в країнах до майбутніх ре-

форм, пов'язаних із коеволюційною (перехідною) добою та ще більш з еволюційним (сталим) періодом цивілізаційного розвитку.

Між першою та другою світовими війнами, які можна розглядати як два етапи однієї великої світової війни, помітним явищем стає велика депресія 1929-1933 рр. Саме від неї, на думку авторів, бере початок коеволюція, як "нова хвиля" перехідної (від індустріальної до постіндустріальної) доби світового розвитку. Змінюючи стару технократичну за своєю сутністю суспільну модель на антропоцентричну, коеволюція відкриває широкий простір для самореалізації особистості, її інноваційної активності. Після подій 1945-1961 рр. (Карибська ракетна криза, правління Дж.Кеннеді в США) на глобальному рівні почали поступово стверджувати себе нові тенденції, притаманні еволюційному періоду восьмого епохального циклу, які досить детально описані в книзі Тофлера "Футурашок". Проте наприкінці 80-х - початку 90-х рр. XX століття (формальне закінчення "холодної війни" протистояння супердержав СРСР та США) нового дихання набули коеволюційні тенденції в країнах Центральної і Східної Європи, Центральної та Південно-Східної Азії, остаточно визначивши перспективи розвитку цивілізації на XXI століття. Народження постіндустріальної цивілізації, пов'язане з бурхливим розвитком інформаційних технологій, генної інженерії - це час, який соціальні філософи називали "постмодерном", можна умовно пов'язати із 90-ми роками XX століття. Серед знакових подій цієї межі - війна в Перській затоці 1990-1991 рр., розпад СРСР, об'єднання Німеччини, радикальна трансформація геостратегічного становища в світі.

Континентально-регіональний рівень реалізації епохальних циклів

Євразія. Початок восьмого глобального циклу збігається частково з шостим євразійським епохальним циклом, котрий бере свій початок від часів італійського раннього Ренесансу. Інволюційний період останнього фактично охоплює XVII століття, коли колоніальна політика провідних європейських держав змінювала "ритміку" історичного розвитку багатьох країн Азії, Африки, Америки. Коеволюційна (перехідна) фаза континентального Євразійського циклу, пов'язана більшою мірою із європейською епохою Просвітництва. Адже саме ідеї просвітництва повільно (але неухильно) поширювались на європейській та азійській частинах Євразії. Свідченням цього стали реформи "Мейцзі" в Японії (1868), молодотурецька революція (1908 р.), Сінхайська революція в Китаї (1911 р.), революції в Росії (1905-1917 рр.). Еволюційний період шостого євразійського епохального циклу пов'язаний одночасно з процесами глобалізації і модернізації, що їх формували культурно різноманітні умови євразійського простору. Знаковими подіями циклу стали: друга світова війна (1939-1945 рр.), холодна війна (1949-1989 рр.), створення Європейського економічного співтовариства (1958 р.), початок реформ Ден Сяопіна в КНР (1978 р.), перебудова в СРСР (1985-1991 рр.), війна в Перській затоці (1990-1991 рр.), операція НАТО в Косові (1999 р.).

Північна та Південна Америки (є певні підстави розглядати їх як єдиний мегаконтинент). Актуальний, другий, американський епохальний цикл розпочався революційними подіями, пов'язаними з війною за незалежність США (1775-1783 рр.) та війнами південноамериканських держав за незалежність від Іспанії (1810-1822 рр.). Ця революційна доба завершується із подіями громадянської війни у США (1861-1865 рр.). Інволюційний етап континентального американського циклу тривав приблизно до середини XX століття. Він характеризувався пануванням військових режимів у більшості країн Латинської Америки. Для США цей період був пов'язаний з іманентною підготовкою до виконання ролі єдиної супердержави. Цей статус країни формувався безпосередньо в умовах розгортання коеволюційних (перехідних) процесів в світі, що їх репрезентували реформи часів "Великої депресії". Кульмінаційними в цьому відношенні стали "трансформаційні" події в Центральній і Східній Європі, викликавши розпад СРСР, а також перехідні процеси в Південно-Східній Азії. Друга половина XX століття для країн Латинської Америки також пов'язана з посиленням проявів коеволюційної доби, становленням демократичних політичних режимів, активізацією інтеграційних процесів на континенті. Власне в цьому контексті бачиться створення до 2005 р. зони вільної торгівлі від Аляски до Вогняної землі. Сьогодні вже можна констатувати, що мегаконтинент Америки вступає у еволюційний період циклу свого історичного розвитку.

Африка. З початком процесу суверенізації африканських держав (60-ті роки ХХ століття) можна говорити про початок еволюційного періоду другого африканського епохального циклу. Він триватиме ще близько століття.

Австралія. Починаючи з другої половини ХХ століття тут набула актуальності коеволюційна (перехідна) доба першого австралійського епохального циклу, пов'язана із створенням цивілізації, що має європейську ідентичність.

Ми вже зазначали, що на світовому (глобальному) рівні аналізу світової історії є незаперечні підстави для констатації завершення в цілому інволюційного періоду восьмого епохального циклу. Сьогодні людство фактично підводить підсумок розвитку індустріальної цивілізації. На думку авторів, немає жодних сумнівів щодо визначень ключових подій сучасності як проявів коеволюційної (перехідної) доби людського розвитку, за якою набиратимуть сили тенденції постіндустріальної цивілізації. Останні правомірно пов'язувати із притаманними еволюційному періоду розвитку суспільства поняттями "соціальне зростання", "кількісне накопичення", а також із специфічними якостями, що їх відбиває поняття "інформаційне суспільство". Зазначені тенденції визначаються авторами як перспективні для більшості країн світу. Водночас країни, що належать до авангарду світового історичного процесу, завершують стадію постіндустріального (інформаційного) розвитку. Реалізуючи свої історичні здобутки і використовуючи механізми новітніх технологій, вони ініціюють по суті створення глобальної економічної системи. Ця система знаходиться, образно кажучи, в "перенатальному" (утробному) стані. Її народження - є процес нелінійний, вибухоподібний і тому вірогідно, що він посилюватиме глобальну нерівність між країнами ядра та периферії нової системи [10].

Радикальні геополітичні зміни 90-х років ХХ століття трансформують систему міжнародних відносин. Після розпаду СРСР Сполучені Штати Америки залишились єдиною універсальною супердержавою, яка має сьогодні домінуюче становище в світі і зберігатиме його до початку (за деякими оптимістичними прогнозами - до середини) ХХІ століття. Цілком можна погодитись із визначенням З.Бжезинського, що в світі формуються нові центри сили. Отже, висока вірогідність є того, що нова, заснована на конкуренції багатьох центрів сили міжнародна система, потенційно стимулюватиме чисельні конфлікти, спричинюючи глобальну нестабільність.

Нарешті, можна погодитись з тими, хто бачить за цих умов вірогідність відкритого "конфлікту між силами глобалізації та агентами локалізації", котрі репрезентують в Європі шовіністичний націоналізм, а в країнах, що розвиваються, - ісламський фундаменталізм. Це протистояння спроможне повернути світову цивілізацію до стану "нового варварства".

Отже, сучасність ніби доводить зростання вищезазначених тенденцій, які наповнюють історичний зміст коеволюційної доби. Ці тенденції набиратимуть подальшої сили, готуючи людство до наступного еволюційного періоду, з яким ототожнюється сенс постіндустріальної цивілізації.

Футурологічна доля регіонів

Євразія, з одного боку, все чіткіше демонструє тенденцію до оформлення проекту "Великої Європи" від французького Бреста до Бреста білоруського. З іншого боку, досить імовірними видаються тут зриви в процесі європейської інтеграції. Цей аспект виявляє себе в проблемах формування спільної зовнішньої та оборонної політики Європейського Союзу, в питаннях вирішення долі єдиної грошової одиниці "євро", перерозподілі економічної могутності в рамках трансатлантичної спільноти тощо. Важливе значення для майбутнього Європи має доля "серця Євразії" - Росії. Зміцнення федеральної єдності Росії може стабілізувати становище в регіоні.

Азія долає наслідки фінансової кризи 1997 р., водночас тут загострюватиметься конкуренція між Китаєм і новими ядерними країнами (Індією і Пакистаном), а також Японією, яка зміцнює свої геостратегічні можливості військово-політичним союзом із США. Водночас відсутність сталої азійської системи безпеки стимулює в цьому регіоні континенту нестабільність, генерує тривалі міждержавні конфлікти, такі як індійсько-пакистанський конфлікт чи етно-релігійні суперечки в Індонезії. Політичні протиріччя в регіоні цілком ймовірно, що можуть призупинити процес азійської економічної інтеграції. Це може перешкодити плану створення до 2025 р. Азійсько-тихоокеанської зони вільної торгівлі.

Африка все ще перебуває в примітках злиднів та локальних регіональних конфліктів - "війн бідних". Це об'єктивно обмежує її шанси в системі глобальної економіки. Небезпечною стає

тенденція поширення етнополітичних конфліктів, які зруйнували Сомалі, Заір, дестабілізували становище в зоні Великих озер. До того ж, подальше зростання чисельності населення може стимулювати континентальну демографічну катастрофу.

Північна Америка розвиває інтеграційні процеси створення північноамериканської зони вільної торгівлі (НАФТА). Поступово здійснюється її економічна експансія в Латинську Америку з метою створення зони вільної торгівлі від Аляски до Вогняної Землі. Демократизація політичних режимів в країнах Південної Америки створює сьогодні спільне політичне поле для американського мегаконтинента. Однак процеси революційних змін, з якими на початку ХХІ століття може зіткнутись Північна Америка можуть порушити нинішні плани подальшого зближення Північної та Південної Америки.

Національно-державний рівень поступу історії

Передусім наголосимо, що "великі" (глобальні та регіональні) тенденції соціально-історичного розвитку складаються з тенденцій розвитку національно-державних утворень і є для останніх загальними умовами, що поряд з іншими (природними) чинниками впливають на історію цих країн. До того ж, чим нижчим є ієрархічний рівень світової системи, тим сильніше виявляє себе десинхронізація розвитку, що детермінується власними особливостями.

Наприклад, *Україна*, яка дедалі більш тяжітиме до виходу з кризи, що її супроводжує перехідна коеволюційна фаза розвитку, поступово переходитиме в еволюційний період розвитку. Його основні тенденції набиратимуть сили протягом 2000-2012 рр.

Росія з часу розпаду СРСР також знаходиться у коеволюційній фазі епохального циклу. Цілком небезпечні для неї процеси федералізації вона намагається подолати спробами збереження державної єдності за рахунок експансії в зони життєво важливих інтересів на пострадянському просторі. Найближчим часом зберігатиметься невизначеність з можливим реформуванням федеральних структур (показовою є доля російсько-білоруського союзу, визначення статусу Чечні), яка може генерувати напругу, що стане випробуванням на міць православно-мусульманського консенсусу, який становить фундамент російського євразійства.

Білорусь, на відміну від України та Росії, переживає революційну фазу циклу, чим, власне, й пояснюються сучасні її політичні ексцеси, які здебільш нагадують революційну добу російської історії.

Тепер декілька слів про найближчі етапи розгортання епохальних циклів для провідних держав-членів Європейського Союзу.

Франція вірогідніше за все наближається до завершення еволюційного періоду свого циклу, який розпочався студентськими заворушеннями 1968 р. Зазначимо, що ідентифікація національних інтересів з імперативами Європейського Союзу все ще залишається проблемною. Основні тенденції подальшого соціально-історичного розвитку Франції визначають президентські та парламентські вибори 2002 р.

Німеччина після національного об'єднання (яке стимулювало процес європейської інтеграції) і особливо після приходу до влади червоно-зеленої коаліції (1998 р.) впритул наблизилась до революційної фази нового епохального циклу. Першим симптомом цього є можлива реструктуризація політичної системи країни в зв'язку зі скандалом навколо фінансування політичних партій. Взагалі, чіткою стає тенденція поступового відмирання традиційних політичних партій індустріальної та постіндустріальної епох та об'єктивного формування засад "партій нового типу" як породження нових "постіндустріальних цінностей" демократії періоду INTERNET.

Великобританія після перемоги "нових" лейбористів на виборах 1997 р. фактично вступила в заключну фазу еволюційного етапу епохального циклу. Посилилась тенденція передачі владних повноважень від центру на місця (відновлення асамблей в Шотландії, Уельсі, Північній Ірландії). З іншого боку, Великобританія стала ближче до Європейського Союзу (підтвердження – тунель під Ла-Маншем), скристалізувались наміри провести референдум щодо приєднання до Монетарного союзу.

Італія також перебуває напередодні революційного етапу розвитку. В цей час можуть загостритись протиріччя між багатою Північчю та бідним Півднем Італії, який опинився на перехресті шляхів нелегальної еміграції в Європу. Загрозливою є географічна близькість Італії до конфліктних зон на Балканах, Близькому Сході та Північній Африці. Це може перетворити Італію на "фронт" у гіпотетичному зіткненні цивілізацій.

Китай на межі ХХІ століття перебуває напередодні еволюційного етапу епохального циклу, характерною ознакою якого стане закінчення реформ, розпочатих 1978 р., і перетворення Піднебесної на один із світових центрів потуги. Це дасть можливість вирішити тайванську проблему в рамках конвергенційного процесу.

Ще один азійський гігант – Індія лише вступила в коеволюційну (перехідну) фазу розвитку епохального циклу. Змістом цього моменту стане пошук злагоди між індуїстами та мусульманами з метою збереження єдності країни. Це дасть можливість Індії стати регіональним лідером та впливати на становище не лише в Південній Азії, а й у всьому світі.

Японія також наблизилась до коеволюційної фази епохального циклу. Її змістом стане трансформація по-суті високорозвиненого індустріального суспільства через синтез власних традиційних цінностей та постмодерністських цінностей країн Західної Європи та Північної Америки.

Сполученні Штати Америки впритул знаходяться напередодні революційної фази нового епохального циклу. Щоправда сьогодні, будучи єдиною універсальною супердержавою в світі, її глобальній політичній та економічній могутності, а також технологічному лідерству поки ніщо не загрожує. Однак дедалі більш відчувається, що нація вже не готова платити життям своїх солдат в локальних війнах. Це може стати одним з суттєвих симптомів занепаду. Визначальними в послабленні гегемонізму США можуть стати й інші внутрішні фактори. В першій половині ХХІ століття змінюватиметься етнічна структура населення за рахунок збільшення в ній чисельності афроамериканців, іспаномовних американців та азіато-американців. Це може порушити роботу етнокультурного плавильного тигля. Досить ймовірним ставатиме конфлікт в середовищі еліт і порушення роботи двопартійного політичного механізму, яке тільки посилюватиме ймовірний розкол фінансової олігархії. Окремі фракції олігархії ймовірно, що протистоятимуть через різні орієнтації щодо збереження робочих місць в США чи експорту капіталу. Ця тенденція може формалізуватись в ізоляціоністській або експансіоністській зовнішньополітичних стратегіях. Механізм цих гіпотетичних соціально-історичних змін буде запущений в період 2000-2012 рр. Перші ж симптоми можуть з'явитись вже після президентських виборів у листопаді 2000 р.

Примітки

1. Актуальные проблемы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. - № 4. – С. 40.
2. Романовский Н.В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов // Социс. – 1999. - № 3. – С. 67.
3. Панарин А.С. Политология. - М., 1999. - С. 10.
4. Модельский Дж. К проблеме глобальных циклов всемирной истории // Азия и Африка сегодня. - 1999. - № 10. - С. 56-65.
5. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. - 1999. - № 6. - С. 121.
6. См., наприклад: Афонін Е.А. Становлення Збройних сил України: соціальні та соціально-психологічні проблеми. - Київ, 1994. - 304 с.; Афонін Е.А. Розвиток України: макро-соціологічний підхід // Віче. - 1996. - № 1. - С. 45-55; Афонін Е.А. Україна – Європа – Світ: шляхом коеволюції // Вісник Харківського державного університету "Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи". – 1999. - № 433. – С. 13-16; Афонін Е.А. Тенденції розвитку українського суспільства перехідної доби: (соціально-психологічний вимір) // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін (1994-1999 рр.). Інформаційно-аналітичні матеріали. – К.: Ін-т соціології НАН України, 1999. – С. 85-90 та ін.
7. До категорії "соціальний суб'єкт" автори відносять в цілому і людину в її особистісному вимірі, і суспільство як сукупність людей, об'єднаних певними (соціальними - політичними, економічними, культурними, духовними) відносинами, обумовленими історично змінним способом виробництва матеріальних і духовних благ.
8. На ці аспекти розвитку людства дедалі більш звертають увагу дослідники (див., наприклад: Арсеєнко А.Г. Глобалізація: Основний зміст та соціально-економічні й політичні наслідки напередодні ХХІ ст. // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. - К. – 1999. – С. 235).

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ И ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ

М. Шильман

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Введение

Исторические системы, попадающие в фокус нашего рассмотрения - системы сложные и иерархические. Их поведение обуславливается взаимодействием составляющих их подсистем, одновременным и взаимосвязанным действием множества различных внешних и внутренних факторов, отношениями с другими подобными системами и предысторией. Создание цельных функциональных моделей подобных систем, позволяющих делать заключения об общих принципах их развития, возможно лишь путем расчленения многомерной задачи на ряд одномерных задач с тем, чтобы потом предпринять попытки суперпозиционного синтеза.

Основными теоретически обоснованными критериями, по которым социальная система может быть проанализирована, могут считаться экономический, политический, социальный и культурный. Несмотря на условное разделение сфер жизнедеятельности общества, ни один из основных критериев не определяет уникальным образом другой и не является однозначно зависимым от другого. Сложная система определяется как многоуровневое и многогранное взаимодействие, взаимозависимость и взаимная скоординированность процессов, событий, изменений и тенденций.

В этой работе мы намереваемся рассмотреть исторический процесс фрагментарно, на основе нескольких критериев и моделей, чтобы сделать выводы о возможных процессах синхронизации развития систем, регулярности и периодичности протекания процессов большой длительности. Одной из задач является также оценка возможности периодизации всемирной истории не с точки зрения оценочных суждений, традиционной хронологии или содержательного определения эпох. В основу рассмотрения положены:

- обзор модели единой Евразийской системы, последовательно проходящей в своем развитии чередующиеся фазы подъема и спада (концепция А. Г. Франка и Б. Гиллса);
- обзор моделей формирования Центральной цивилизации, последовательно включающей в себя остальные цивилизации мира (концепция Д. Уилкинсона, а также модифицированная концепция К. Чейз-Данна и Т. Холла);
- анализ демографических процессов в исторических системах;
- анализ политических процессов в исторических системах (на основе данных Р. Таагеперы о территориальных параметрах мировых империй);
- анализ процессов урбанизации в исторических системах (на основе данных Т. Чандлера, К. Чейз-Данна и А. Босуорта о численности населения, цензе и иерархии городов).

Модели и схемы

1. Схема, предлагаемая Д. Уилкинсоном, лаконична в смысле основополагающего тезиса о поступательном и непрерывном развитии исторической макроструктуры, именуемой "Центральной Цивилизацией". Полагая рождение новой системы как момент слияния Египетской и Месопотамской цивилизаций в единое целое ориентировочно к началу XV в. до н. э., Уилкинсон рассматривает дальнейший рост Центральной цивилизации как процесс без признаков каких-либо спадов, в ходе которого в центральную систему последовательно вливаются другие цивилизации. Неуклонный рост комплексной структуры, отдельные фазы которого знаменуются присоединением к "центру" очередных региональных структур, завершается глобальной фазой Центральной цивилизации - объединением всех мировых систем в одну. Периодизировать развитие Центральной цивилизации проще всего на основании приводимых Уилкинсоном дат и графически представленной схемы [20].

При анализе концепции Центральной цивилизации внимание в первую очередь привлекает основной принцип, положенный в основу деления процесса длинной в 3500 лет на фазы, - преимущественная опора на военно-политические перипетии. Момент соединения Египетской и Месопотамской цивилизаций совпадает с эпохой максимального территориального расширения Египетского государства, слияние Эгейской цивилизации с Центральной - со временем усиления Пер-

сидской державы. Окончание Ближневосточной фазы развития максимально приближено к временам стремительного становления транснациональной империи Александра Македонского, завершение Греко-Римской фазы падает на время исчезновения Западной Римской империи, становления варварских государств Европы и подъема Исламской цивилизации. Естественно смотрится почти точное совпадение момента окончания Средневековой фазы со временем завоевания Нового Света, а финала Западной фазы развития Центральной цивилизации - с полномасштабным проникновением европейцев в страны Дальнего Востока. Асимметрия предлагаемой Уилкинсоном схемы дает повод историкам упрекнуть его в европоцентризме, а не скрываемая автором приверженность к преимущественному анализу феноменов развития государственности подготавливает почву для сентенций по поводу того, что он уделяет мало внимания культурным факторам исторического процесса.

Следует отметить, что в ходе подтверждения правомерности своей схемы Уилкинсон не обходится без подробного анализа численности населения крупнейших городов мира, продолжительности жизни цивилизаций и масштабов торговли. Однако нас будет больше интересовать предложенный им хронограф, точнее - рассмотрение периодизации истории Центральной цивилизации в сравнении с периодизацией, предлагаемой в сходном хронографе К. Чейз-Данна и Т. Холла.

Отличие видоизмененного хронографа, отражающего точку зрения Чейз-Данна и Холла [6, 203], заключается в иной периодизации процесса формирования центральной политической структуры. Рассмотрение связей между различными историческими структурами на 4-х иерархически согласованных уровнях - информационном, торговли товарами роскоши, военно-политическом и уровне торговли товарами потребления - позволяет с большей дискретностью дифференцировать связи между субъектами исторического процесса. Место цивилизаций в хронографе Чейз-Данна и Холла занимают сети военно-политического взаимодействия (PMNs - Political/Military Networks), предтечами слияния которых становятся сети торговли товарами роскоши (PGNs - Prestige Goods Networks), налаживанию которых в свою очередь предшествует установление системы систематических информационных контактов (INs - Informational Networks). Конвертируя понятия "цивилизация" и "торговая ойкумена" Уилкинсона соответственно в понятия PMN и PGN, Чейз-Данн и Холл, не подвергая сомнению базисную идею о слиянии многих раздельных систем в одну, предлагают несколько иную периодизацию процесса становления Центрального PMN.

По их мнению, активное слияние Египетского и Месопотамского PGNs имело место уже во времена империи Аккада (XXIII в. до н. э.), к концу XXI в. до н. э. в эту сеть влились Эгейский, Северо-Африканский и Западно-Азиатский PGNs. Относительно конечного образования Центрального PMN имеются некоторые разночтения - авторы утверждают, что этот факт нельзя датировать ранее 1500 г. до н.э. [6, 204], указывая в то же время, что соединение двух PMNs и включение в Центральный PGN новых территорий Средиземноморья стало являю к 1360 г. до н.э. [5, 112]. Западно-Азиатская фаза развития Центрального PMN, аналогичная Ближневосточной фазе по версии Уилкинсона, завершается ориентировочно на рубеже эр, чему предшествует слияние Эгейской системы с Центральной, датированное VII в. до н. э. Греко-Римская фаза развития Центрального PMN (рубеж эр - середина I тыс. нашей эры) с точки зрения Чейз-Данна и Холла примечательна тем, что ее начало ознаменовано установлением систематических связей между Центральным и Дальневосточным PGNs, а окончание - слиянием Индийского PMN с Центральным. Уилкинсон датирует связанность этих систем не ранее 622 г., утверждая факт слияния Индийской и Центральной цивилизаций не ранее конца X в. Сходным образом датировки Средневековой и Западной фаз для Центрального PMN, указанные Чейз-Данном и Холлом, "опережают" датировки аналогичных фаз Уилкинсона для Центральной цивилизации.

Можно продолжать рассматривать все нюансы периодизации Центральной цивилизации или Центрального PMN, возникающие в ходе диалога этих двух концепций, однако хотелось бы обратить внимание не столько на историческую канву, сколько на сами даты, вокруг которых концентрируется основное внимание исследователей и которые служат основой периодизации многовекового процесса в рамках предложенной схемы. Основными "опорными точками", очевидно, следует считать следующие промежутки времени: XXIII - XXI вв. до н.э., XV - XIV вв. до н.э., VII - VI вв. до н.э., рубеж эр, V - VII и XIV - XVI вв.

2. А.Г. Франк акцентирует внимание на систематической циклической непрерывности, предлагая схему мирового исторического процесса, периодизированного регулярно чередующимися фазами подъема и спада (соответственно - фазы А и Б). Датировка начальной фазы, "отступающая" по шкале времени от достаточно традиционной даты рождения мировой системы - 1500 г. до н.э., достигает отметки 1700 г. до н.э. [9], а затем достигает отметки 3000 г. до н.э. - времени достоверного появления государственной структуры Египта и первых государств Месопотамии [10]. В результате, согласно концепции Франка и Гиллса, почти 5,000 лет истории единой Евразийской системы (с 3000 г. до н.э. по 1600 г.) периодизированы сменяющимися друг друга периодами подъема и спада, общее число которых достигает 21-го (11 фаз А + 10 фаз Б).

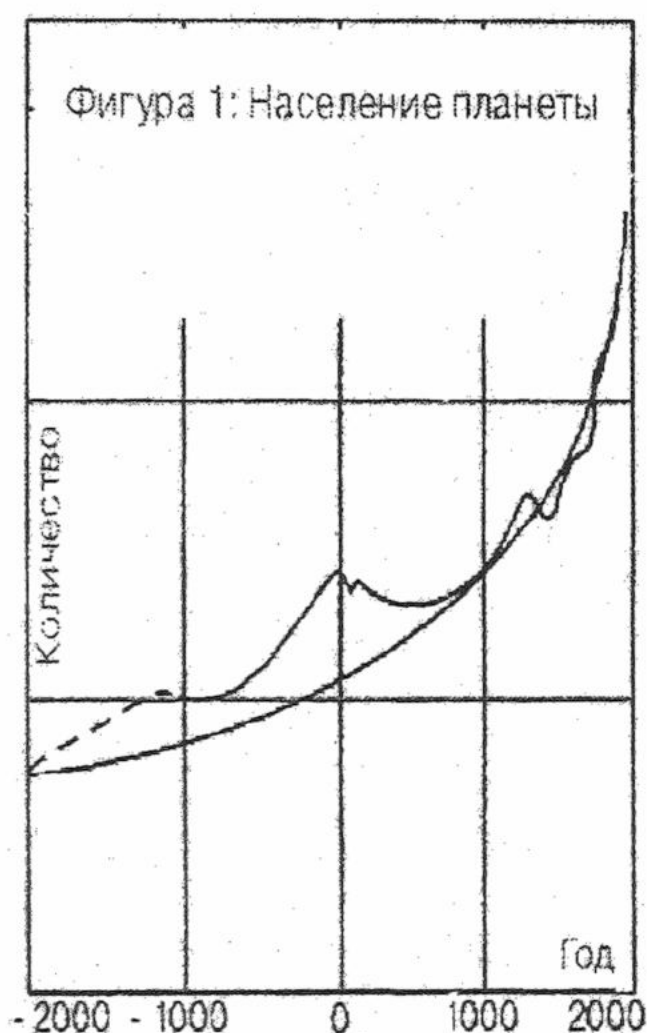
Предпринятые попытки проверки степени соответствия реальности датировок А и Б фаз на основании доступных исторических данных натолкнулись на отсутствие достаточного количества сведений для вынесения суждения относительно первых периодов, расположенных в пределах 3-го тыс. до н.э. Начиная ориентировочно с 2000 г. до н.э. аналитическая проверка становится возможной. Результаты исследования, проведенные А. Босуортом с использованием данных о числе и численности населения крупнейших городов, показали строгое соответствие 8 фаз из 16 проанализированных [2, 226]. Результаты исследования Чейз-Дана и Холла, базирующиеся как на данных о численности городского населения, так и на данных территориальных размеров крупнейших империй, показывают весьма невысокую корреляцию с периодизацией Франка и Гиллса, а также невозможность рассмотрения Центральной Восточно-Азиатской систем в качестве Евразийской системы беспрерывно на протяжении столь протяженного периода времени [6, 213-218], [5, 130-131].

Следует отметить еще один нюанс, свойственный периодизации, предложенной Франком и Гиллсом, заключающийся в длительности указанных фаз. Длительность фаз А колеблется в пределах от 100/150 до 300/400 лет, длительность фаз Б - в пределах от 100/150 до 300/350 лет. Соответственно, длительность "полного" цикла - суммарная длительность следующих друг за другом А и Б фаз - измеряется промежутком времени от 200/250 до 600/700. Это означает, что, несмотря на регулярность, предлагаемая схема периодизации неравномерна, а столь значительный разброс значений длительности фаз позволяет чересчур гибко варьировать датировки. Кроме того, сама структура подобной периодизации, прилагаемая к процессам большой длительности, протекаю-

щим в максимально расширенных территориальных пределах, противоречит динамике демографических и политических процессов, к анализу которой мы и считаем необходимым перейти.

Демографические процессы

Значение демографических показателей для анализа социальной структуры может считаться едва ли не наиважнейшим. Военная и политическая мощь, размеры занимаемой территории, объемы и интенсивность торговли - подавляющее большинство параметров, используемых для оценки исторического статуса сложной системы, так или иначе связаны с процессами демографическими. Однако, несмотря даже на то, что периоды древнейшей истории могут быть зачастую представлены как демографические циклы, степень достоверности данных о размерах населения падает по мере удаления рассматриваемого периода от наблюдателя. Причины такого положения дел объективны - нехватка конкретной исторической информации вынуждает использовать кос-

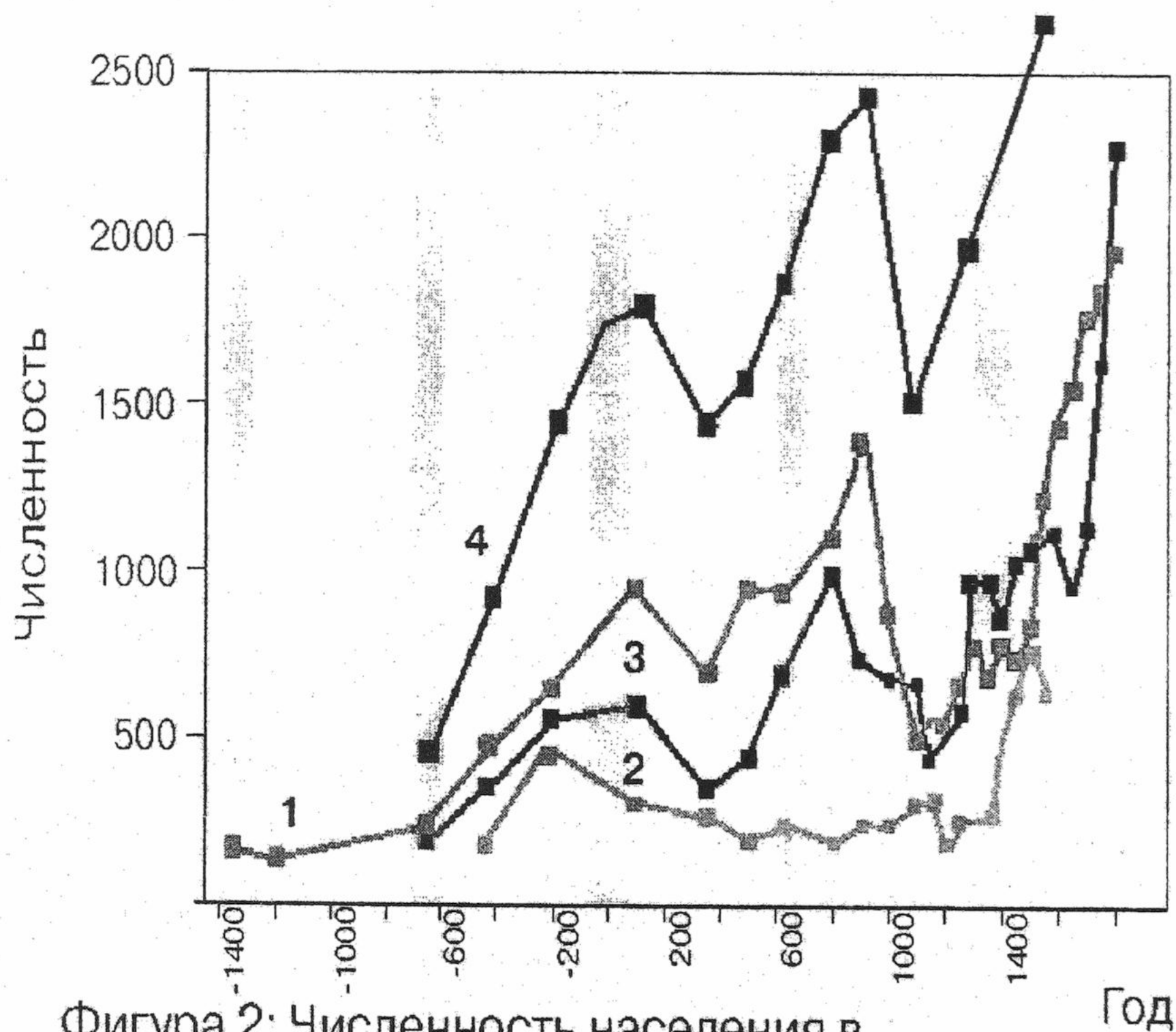

венные сведения и расчеты, основанные на моделировании как биологических, так и социальных процессов многовековой длительности.

Однако, исследование системных моделей невозможно без статистического анализа, оперирующего количественными показателями. При анализе процессов развития древних обществ подобный анализ и наиболее затруднен, и наиболее принципиален. Достаточно отметить, что по-

литическая и социальная стабильность в исторических системах зависит от демографических тенденций в большей степени на начальных этапах формирования цивилизаций и государственных структур [12]. Функция изменения численности населения может также определять интенсивность городского строительства и торговли, скорость освоения территорий и использования природных ресурсов, частоту войн и миграционных волн.

Анализ глобальных демографических тенденций подводит исследователей вплотную к констатации системного поведения человеческой популяции с древнейших времен по настоящее время, что отражается неизменным гиперболическим законом прироста населения планеты. Однако, наряду с системным порядком, демографы склонны отмечать форму демографической кривой не как строго соответствующую математической гиперболе, а как колеблющуюся в ее области. Моделирование процессов прироста населения, в котором оценивается скорее порядок величин, чем точные количественные данные, порождает наиболее достоверную качественную кривую (Фиг. 1) по данным Бирабена [1]. Визуальный анализ, абстрагирующий от вопросов степени соответствия приведенных численных значений реальному положению дел, свидетельствует о выходе демографической функции на уровень промежуточного насыщения ориентировочно к XIII в. до н. э., заметном приращении на рубеже эр и отличительных флуктуациях в XIV в.

Фигура 2: Численность населения в Центральном (1), Индийском (2), Дальневосточном (3) PMNs и результирующая кривая (4)

Общие данные в масштабах планеты, могущие послужить в качестве намеков на существование регулярной в своих проявлениях демографической структуры, никоим образом не принижают степени необходимости анализа региональных и внутрисистемных тенденций изменений

численности населения. Используя кривые демографических изменений для Центральной, Индийской и Дальневосточной систем [8, фиг. 2а, 3а, 5а], мы предприняли попытку определить вид результирующей функции, отражающей суммарные демографические показатели условной системы, протянувшейся от Средиземноморья до восточного побережья Евразии. Результаты графического построения (Фиг. 2) свидетельствуют как минимум о двух циклах демографического роста и падения с периодом в 650 - 750 лет.

Если проассоциировать тот факт, что первый максимум результирующей кривой приходится на конец I в. с фактом установления на рубеже эр систематических связей между Римской империей, государствами Индостана и Ханьским Китаем, то можно говорить об усложнении мировой системы, повышении степени связанности и интенсивности взаимодействия ее частей. Следствием такого процесса экономического, политического и - впоследствии - социального соединения систем может явиться определенная синхронность их поведения с точки зрения большой системы, составными частями которыми они являются [14, 337].

Политические процессы Политические пертурбации, происходящие в исторических системах, относятся к категории наиболее зримых и наиболее полно документированных. Связанная напрямую с процессами изменения форм и структур институтов власти, военными столкновениями, династическими сменами и кодификацией законодательных актов, политическая активность общества оставляет многочисленные следы и в культурно-историческом, и в историко-географическом пространстве. Самым заметным результатом колебаний военно-политической мощи социальных систем являются размеры контролируемой и осваиваемой ими территории. Именно путем оценки изменения территориальных размеров сложной исторической системы можно делать определенные выводы о периодах усиления и экспансии последней, временах коллапса, циклах политической интеграции и децентрализации.

Предпринятая Р. Таагеперой попытка системно осветить процессы территориальных изменений и отобразить количественно размеры крупнейших военно-политических систем на протяжении 5,000 лет (с XXX в. до н. э. по XX в.) привела к появлению комплекса организованных данных [17], активно используемых исследователями глобальных исторических процессов. Анализ территорий империй на пространстве, включающем территорию Европы, Средиземноморья, Египта и Месопотамии, Передней и Центральной Азии, Индии и Китая показывает систематическую смену тенденций централизации и распыления политической структуры как в региональных масштабах, так и в масштабах континентальных. С введением некоторых необходимых корректировок данные Таагеперы используются и для проверки состоятельности глобального эволюционного подхода к всемирной истории, и для дифференцированного анализа военно-политических взаимодействий отдельных систем.

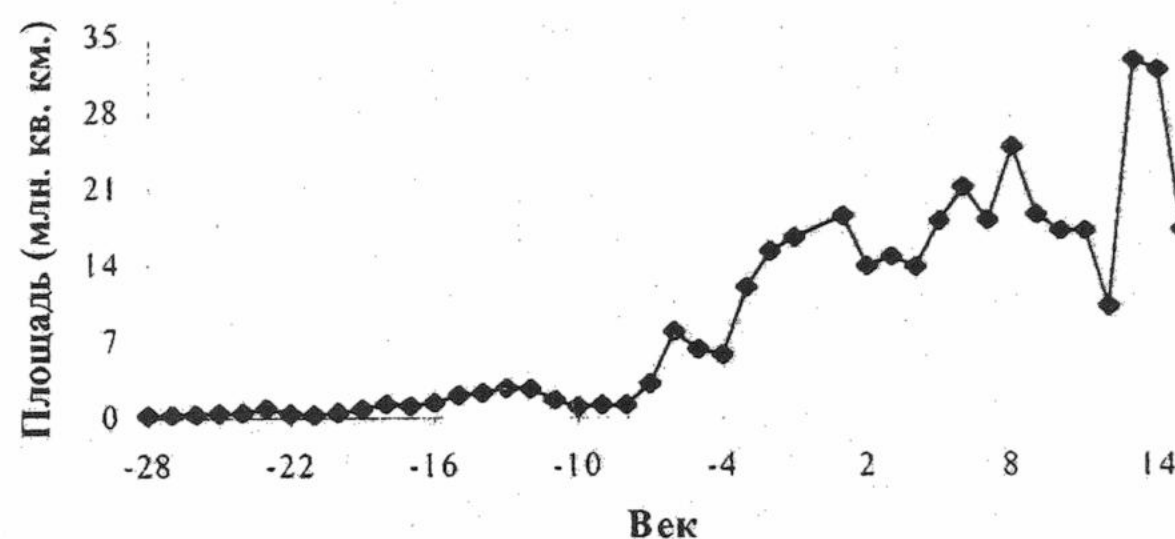
Нас, прежде всего, будут интересовать тенденции изменения такого параметра как суммарная территория империй в максимально возможном масштабе. Выстраиваемая по вышеупомянутым данным кривая изменения площади империй мира (Фиг. 3) позволяет констатировать систематические колебания исследуемого параметра. Череда максимальных значений, создающих периодическую структуру процесса осцилляций военно-политической мощи, выглядит следующим образом:

- XXIV(?) - XXIII вв. до н. э., абсолютный максимум - XXIII в. до н. э.;
- XIV - XII вв. до н. э., абсолютный и аппроксимированный максимум - XIII в. до н. э.;
- VII(?) - VI вв. до н. э., абсолютный максимум - VI в. до н. э.;
- I в. до н. э. - I в., абсолютный максимум - I в., аппроксимированный максимум - рубеж эр;
- VI - VIII вв., абсолютный максимум - VIII в., аппроксимированный максимум - VII в.;
- XIII - XIV вв., абсолютный максимум - XIII в.

Исходя из тех же данных, лишь несколько скорректированных поставленной целью исследования, Чейз-Дани и Холл выстраивают графики изменения суммарной площади крупнейших империй для трех рассматриваемых ими систем военно-политической сети: Центральной, Восточно-Азиатской и Индийской [7, фиг. 1, 3, 4]. Предпринятое нами построение результирующей для трех PMNs кривой (Фиг. 4) не показало принципиального расхождения в своих результатах с кривой, построенной по массиву данных Таагеперы, свидетельствуя о следующих датировках периодических максимумов:

- XIV (XVI ?) - XII вв. до н.э., абсолютный максимум - конец XIII - начало XII в. до н.э.;
- VII - VI вв. до н.э., абсолютный максимум - конец VII - начало VI в. до н.э., аппроксимированный максимум - конец VII в. до н.э.;
- II в. до н.э. - I в., абсолютный максимум - I в., аппроксимированный максимум - конец I в. до н.э.;
- VII - VIII вв., абсолютный максимум - VIII в., аппроксимированный максимум - начало VIII в.;
- XIII - XIV вв., абсолютный максимум - XIII в.

Фигура 3: Изменение суммарной площади империй мира

Результатом проведенного анализа может служить заключение о том, что политическая мощь больших систем, численно отображаемая территориальными показателями, колеблется и эти колебания носят достаточно систематический характер. На основании определенных максимумов территориального расширения можно установить величину периода подобных колебаний ориентировочно в пределах 600 - 700 лет и отметить не менее пяти полных фаз подъема и спада в промежутке времени между XV в. до н.э. и XV в.

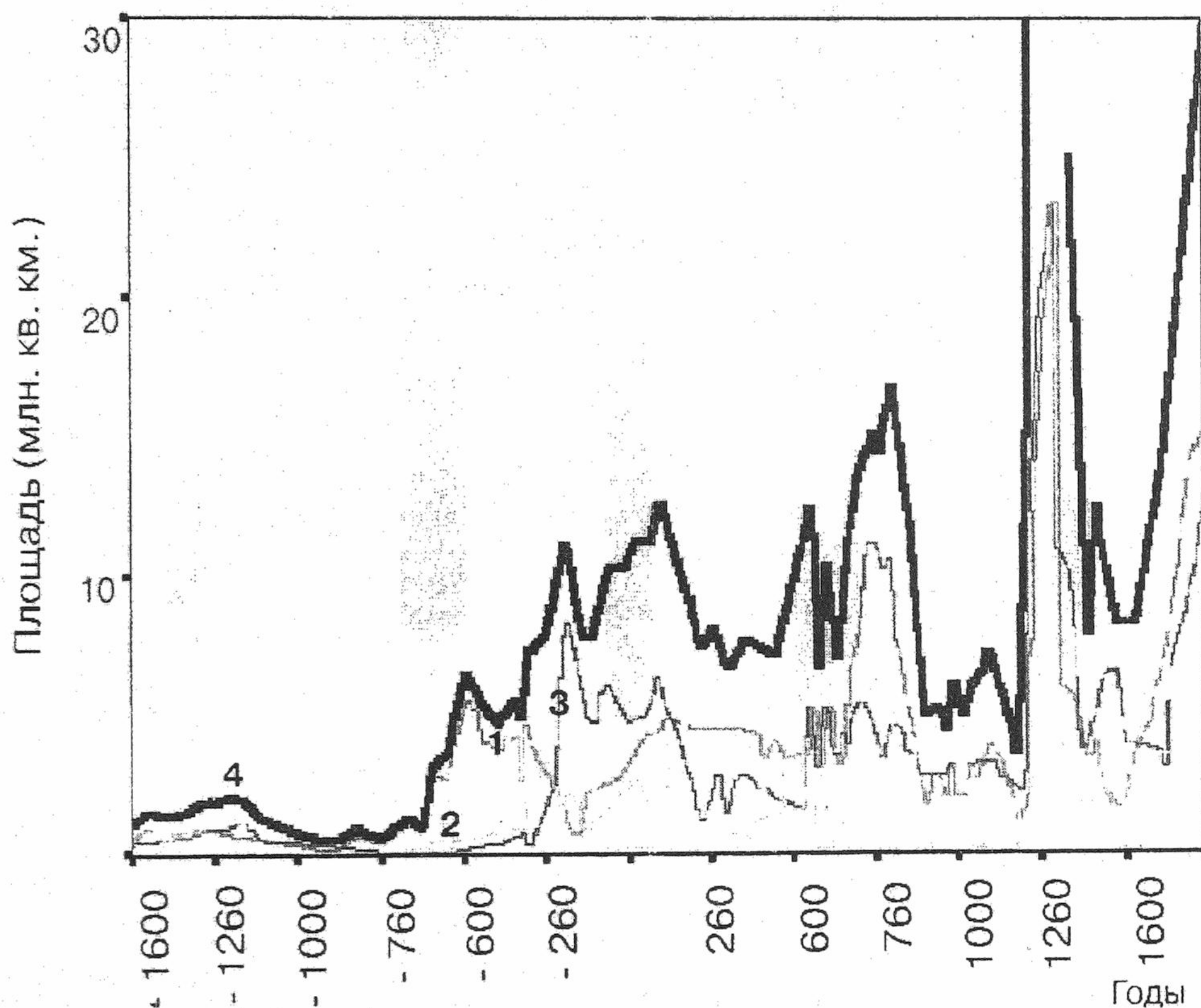
Процессы урбанизации

Поиск оригинальных критериев, согласно которым можно анализировать пульсации, происходящие в больших исторических системах, приводит Чейз-Данна к попытке оценить степень урбанизации обществ не с точки зрения простых показателей изменения суммарной численности населения городских поселений, а путем определения унифицированного коэффициента иерархичности строения региональной и мировой системы наиболее крупных городов. Согласно ряду мыслей, предваряющих и обосновывающих такой подход, показатели изменения общего числа городских жителей или изменения числа жителей наиболее крупного города в том или ином регионе будут заведомо прогрессировать, согласовываясь с общемировыми показателями демографического роста. Стандартизированные же коэффициенты "первенства", именуемые в дальнейшем SPI (Standardized Primacy Indices), являются численным выражением степени крутизны (неравномерности) функции распределения городских поселений в соответствии с данными о численности населения последних, вследствие чего отстройка от общих тенденций значительно более вероятна.

Определение SPIs для пяти самых крупных городов в пределах различных PMNs, принятый в совместной работе Чейз-Данна и Виллард [8, фиг. 5], дает интересный результат с точки зрения наличия регулярной пульсации исследуемого параметра в пределах Центрального PMN. Функция изменения величины SPI для Центрального PMN в период времени с 1360 г. до н.э. по 1500 г., построенная на основании табличных данных [5, 125], позволяет констатировать наличие практически постоянного периода колебаний величины коэффициента длительностью порядка 650 - 700 лет (Фиг. 5). Очевидно и то, что максимальные значения SPI в хронологической последовательности приходятся на XIV, VII вв. до н.э., I, VII вв. и рубеж XIII - XIV веков.

Продолжая разговор о сложных исторических системах с точки зрения темпов, масштабов и структуры роста городов, следует остановиться на результатах анализа мирового процесса урбанизации, базирующегося на сводных данных по количеству и численности населения крупнейших

мировых городов, приведенных в таблицах Т. Чандлера. Проводя исследование по проверке достоверности фаз подъема и спада единой мировой системы, определенных концепцией А. Г. Франка с точки зрения процесса появления и роста городов, А. Босуорт формирует таблицу исходных данных по количеству городов в 7 регионах древнего мира за период 2250 - 650 гг. до н.э. [2, 212]. Анализ количественных показателей по означенным регионам однозначно свидетельствует о росте количества городов в Китае с XIV по VII в. до н.э., максимальном количестве городов Средиземноморья и Передней Азии в XIV в. до н.э. и городов Месопотамии в XXI в. до н.э. Кроме того, определяя суммарное количество городов в пространстве от Египта до Китая, следует отметить волнообразный характер функции изменения и явно выраженные максимумы, приходящиеся на времена XIV и VII вв. до н.э. Кривая мировой городской иерархии более позднего периода (500 г. до н.э. - 2000 г.), выстраиваемая Босуортом на основе анализа соотношений размеров 25 крупнейших мировых городов [2, 221] позволяет констатировать явные максимумы в конце I в. до н.э., а также в VII - VIII вв.

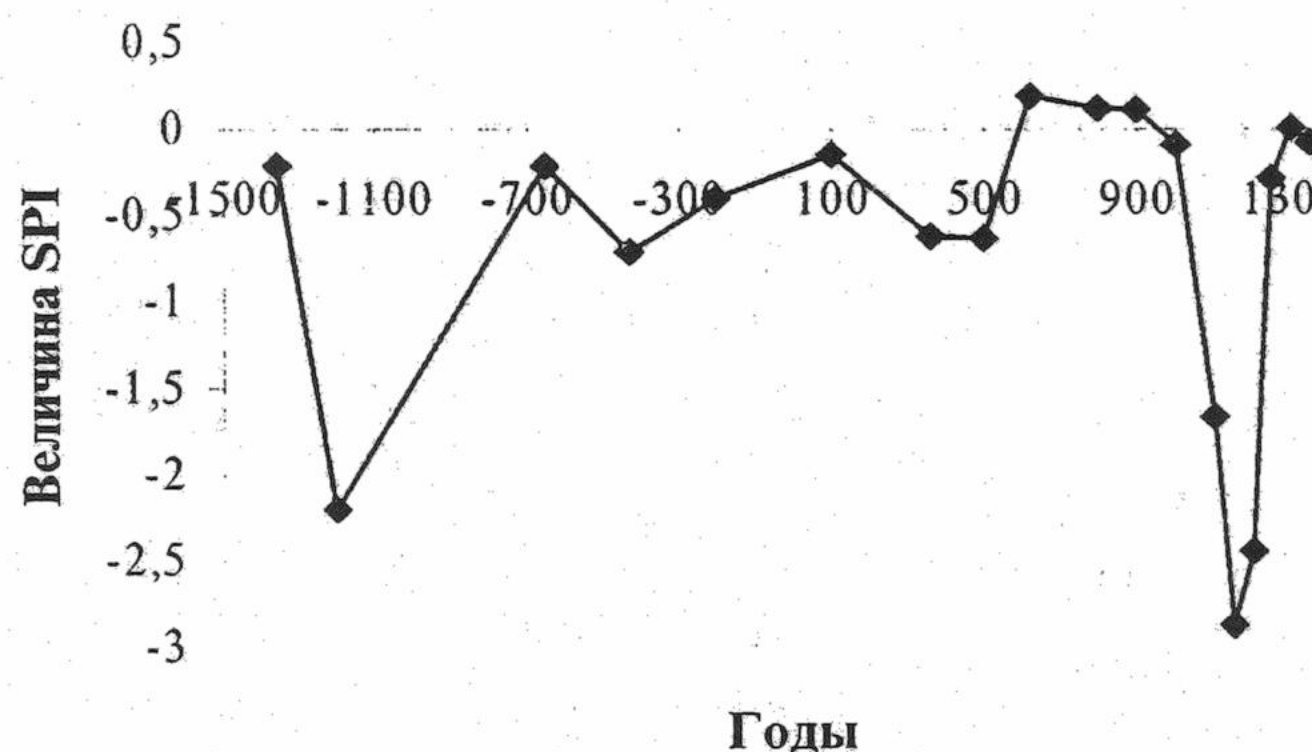

Фигура 4: Площадь крупнейших империй мира в Центральном (1), Индийском (2), Восточно-Азиатском (3) PMNs и результирующая кривая (4)

Анализ информации по населению древних городов, содержащейся в таблицах Чандлера, показывает, что первый город, преодолевший рубеж в 100,000 человек появляется в XIV в. до н.э., первый город, достигший численности населения в 200,000 - в VII в. до н.э., появление первого полумиллионного города датировано VII в. [3, 521, 527]. Кроме того, первенство в многовековом "споре" городов оспаривался на древнейшем этапе исторического развития Египтом и Месопотамией. С конца 4-го до начала 3-го тыс. до н.э. лидером в процессе урбанизации был Египет; с середины 3-го тыс. до н.э. до конца XXI в. до н.э. самые крупные города были расположены на территории Месопотамии. В XVI - XIV вв. до н.э. египетские города вновь возглавили список крупнейших мировых городов с тем, чтобы отступить на второй план, уступая дорогу месопотамским городам к VII в. до н.э. Мы не можем согласиться с утверждением, что "с 3500 по 2500 г. до н.э. мировая городская система была преимущественно шумерская" [15], напротив - вынуждены констатировать периодическую смену лидеров в процессе городского строительства.

Конечно, степень недостаточности данных, относящихся к самым древним периодам всемирной истории высока, население ранних городов-государств может быть вычислено лишь весьма общим способом вплоть до конца 3 тыс. до н.э. [11, 222] и избежать значительных погрешностей, видимо, невозможно. По сравнению с первым вариантом расчета, допускающим, например, появление стотысячного Лагаша в XXI в. до н.э. или полумиллионного Рима на рубеже эр [4, 362 - 363], вторая редакция таблиц Чандлера кажется более вероятной, хотя и вызывает порой нарекания аналитиков.

**Фигура 5: Изменение индекса иерархии для
пяти крупнейших городов Центрального
PMN**

Заключение

Вне всякого сомнения, обработка обширного материала и постоянная проверка методов исследования на корректность, а результатов - на достоверность не является самоцелью проводимых исследований. Построение действующих моделей, позволяющих научное прогнозирование с высокой степенью вероятности, является постоянным искомым. В то же время заметна и очевидная трудность, связанная со спецификой анализа столь протяженных во времени процессов исторического развития, базирующаяся, прежде всего, на нюансах, связанных с возможностью фиксации причинных отношений между результатами обработки функций изменения тех или иных параметров исторических систем. Развитие гипотезы одновременных расширений и сокращений исторических систем, происходящих в континентальных масштабах, должно, по мнению К. Чейз-Данна, "определить причинные механизмы, являющиеся причиной подобной синхронности" [7].

Однако, как отмечает П. Кнапп, даже высокие показатели корреляции анализируемых параметров - слабые свидетельства наличия причинных связей. Основную причину подобной слабости он видит в том, что "разные переменные имеют тенденцию двигаться совместно некоторое время даже при отсутствии между ними причинной связи" [13, 94].

По всей видимости, при исследовании глобальных процессов и долгосрочных тенденций развития в масштабах комплексных социальных систем следует учитывать, прежде всего, общие принципы повышения системной сложности. Сложные системы как конгломераты более простых и заведомо разнородных частей, взаимодействующих друг с другом и взаимообусловленных, находятся в постоянном процессе развития и трансформации, приводящем попеременно и к стабилизации на очередном уровне сложности, и к коллапсу.

Наглядность связанности понятий системной сложности, иерархии структур и длительностей циклов развития во всемирной истории чрезвычайно высока. Долговечность цивилизаций, как правило, превышает время жизни составляющих ее политических объектов; государство обычно не подвергается кратчайшим циклам формирования и разрушения [18, 27, 40]. Субординация исторических систем по критерию сложности вызывает, видимо, соответствующую субординацию ритмов развития по критерию длительности. С одной стороны, включение в сложную систему очередной составной части "подключает" последнюю к системным политическим, культурным, социальным и прочим ритмам. С другой - сложный комплекс относительно простых частей проявляет тенденции к упорядочиванию и самоорганизации, приобретая новые, системные качества, отличные от качеств его составляющих.

Одной из наиболее ярких особенностей процессов повышения сложности общества является сама способность делать переходы в ходе эволюции и факт наличия пороговых состояний, отмечающих прыжки от одного устойчивого уровня к другому [16]. Иллюстрацией подобной смешанной формы системного движения вполне могут быть графически представленные данные палеодемографии, констатирующие чередование периодов плавной эволюции и резких переходов. Тот же вид имеют циклы политической централизации, где последовательность больших прыжков приближает форму качественной кривой к пошаговой функции [17], [5, 118]. Сходным образом выглядят и полученные нами результирующие кривые, отображающие политические и демографические процессы в исторических системах. Подводя черту, можно говорить о том, что перечисленные кривые качественно приближаются к идеализированной функции развития сложной системы, приводимой Тайнтером, - волнообразной кривой с увеличивающейся амплитудой [18, фиг. 20].

Безусловно, формы кривых, получаемых в результате различных исследований, косвенно зависят от временного масштаба и дискретности, присутствующих в организованной базе используемых данных. Основу кривых, тем или иным способом описывающих длительные процессы исторического развития, определяет свойственная процессам в сложных социальных системах гиперболическая функция, демонстрирующая рост в пространстве, производстве или демографическое приращение [19]. В ряде случаев технической задачей системного анализа становится постановка методики отстройки от эволюционных тенденций при определении периодических составляющих. Детальное же рассмотрение отдельных параметров или их групп позволяет зафиксировать осцилляции с периодом, близким к постоянному, не нарушающие формы своей гиперболической образующей.

Гипотетическое постоянство периода колебаний в процессах, отражающих эволюцию сложных исторических систем, может быть расценено и как продолжение идеи о постоянной скорости социальных изменений [14, 321-342], и как реакция на результаты исследования, приведенного выше. Действительно, хронологически сходные опорные точки, которые вполне могут послужить основанием оригинальной периодизации, были получены нами как по результатам статистического анализа отдельных параметров, так и по датировкам фаз, используемых в рассмотренных схемах и моделях. Если проследить их последовательность - XXIII-XXI вв. до н.э., XV-XIII вв. до н.э., VII-VI вв. до н.э., I в. до н.э. - I в., VI-VIII вв., XIII-XV вв. - то вполне можно выстроить концептуальную схему, в которой времена переходных состояний проявляются во всемирном историческом процессе регулярно на известном отрезке времени существования цивилизации. Постоянный период таких глобальных колебаний можно оценить ориентировочно в 700 лет при длительности самой переходной фазы приблизительно в 100-150 лет. Для более детальной проверки предположений о такой временной структуре требуется обозначение иных параметров оценки

сложных социальных структур, комплексный анализ которых мог бы дать сведения, подтверждающие или опровергающие выдвигаемую нами точку зрения.

Литература

1. Biraben J. N. "Essai sur L'Evolution du Nombre des Hommes," *Population*, No. 1 (1979).
2. Bosworth A. "World Cities and World Economic Cycles," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 206-227.
3. Chandler T. *Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census* (Lewiston: The Edwin Mellon Press, 1987).
4. Chandler T., Fox G. *3000 Years of Urban Growth* (New York: Academic Press, 1974).
5. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall. "Cross-World-System Comparisons. Similarities and Differences," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 109-135.
6. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall. *Rise and Demise: Comparing World-Systems* (Boulder: Westview Press, 1997).
7. Chase-Dunn C., Thomas D. Hall, "Rise and Fall: East-West Synchronicity and Indic Exeptionalism Reexamined". Presented at the annual meetings of the International Studies Association, Minneapolis, Minn. March 17-21, 1998.
8. Chase-Dunn C., Willard A. "Systems of Cities and World-Systems: Settlement Size Hierarchies and Cycles of Political Centralization, 2000 BC-1988 AD", A paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Acapulco March 24-27, 1993.
9. Frank A. G. "Bronze Age world system cycles," *Current Anthropology*, Vol. 34, No. 4 (1993).
10. Frank A. G., Barry K. Gills (eds.) *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* (London: Routledge, 1993).
11. Frankfort H. *Kingship and the Gods* (Chicago: Chicago University Press, 1948).
12. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1991).
13. Knapp P. "Evolution, Complex Systems and the Dialectic," *Journal of World-System Research*, vol. 5 (1999).
14. Modelski G. "Evolutionary Paradigm for Global Politics," *International Studies Quarterly*, Vol. 40, No.3 (September 1996).
15. Modelski G. "Cities of the Ancient World: An Inventory (-3500 to -1200)", July 10, 1997.
16. Segraves B. "Ecological Generalization and Structural Transformation of Sociocultural Systems," *American Anthropologist*, Vol.76 (1974), 530-552.
17. Taagepera R. "Size and Duration of Empires: Systematics of Size," *Social Science Research*, Vol.7, No.1 (March 1978), 108-127.
18. Tainter J. A. *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988)
19. Wallerstein I., "The West, Capitalism, and the Modern World-System," *Review*, Vol. XV, No. 4 (Fall 1992), 561-619.
20. Wilkinson D. "Central Civilization," in Stephen K. Sanderson, ed., *Civilization and World Systems: Studying World-historical Change* (Walnut Creek: AltaMira Press, 1995), 46-74.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И/ЛИ ПОСТ-НЕО-КОЛОНИАЛИЗМ ? ИЛИ О ДВУХ ОПТИКАХ

В.В. Гусаченко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

С тем, что западная мир-экономика невозможна без экспансии, согласны все. По-разному понимают её причины. Исследователи "левой" ориентации видят их в прямой невозможности капитализма развиваться без эксплуатации глобальной периферии, представители "правой" – отрицают "внутреннюю потребность капитализма в экспансии в менее развитые страны" [1, с. 160].

“Мысль о том, - пишет П. Бергер, - что весь “третий мир” может стать недоступным в экономическом отношении, меньше бы встревожила, скажем, Соединённые Штаты, чем перспектива нарушения хозяйственных связей с любым высокоразвитым государством” [там же]. Почему же экспансия происходит? Во имя “третьего мира”? Или в обоюдных интересах? Да, но каких? И. Валлерстайн отвечает: накопления капитала. “Ни об одной из существовавших до того (до XVI в.) исторических систем нельзя сказать, что важнейшим принципом её действия было **н е п р е р ы в н о е** накопление капитала” [2, с. 190]. Вместо эндогенной модели капиталистического развития Валлерстайн предлагает экзогенную, при которой капитализм является по самой сути мировым явлением и объясняется только в контексте всех своих глобальных отношений и зависимостей. Таким образом, бесконечной экспансии этого мира-экономики даже не нужно быть жизненно необходимой, чтобы происходить, - достаточно быть выгодной.

Капитал, на каждом новом этапе своего развития, ищет новое пространство для изъятия прибавочного продукта в пользу центра, ядра мир-системы. Такое неравное, неравномерное развитие центра и периферии, по Валлерстайну, является необходимым, чтобы капитал(изм) мог накапливаться, развиваться. Так обстоит дело и в рамках одной мир-экономики, и в масштабах мира в целом (как показал ещё Ф.Бродель).

Такого рода отношения были присущи и, например, античному миру с его варварской периферией. Без мирового рынка рабов не было бы и расцвета рабовладельческих государств Греции и Рима. Такая неравномерность, скорее всего, вообще является системной закономерностью, практически тождественной самому различению всякого центра и периферии.

Отсюда, кстати, вытекает неблагоприятное, для экономистов “правых” взглядов, следствие. Вспомним уже упомянутое нами рассуждение, согласно которому для развитых стран потеря “третьего мира” означает, якобы, гораздо меньше, чем потеря связей с любой из них. Да, может быть капитализм и в этом случае бы не погиб, и даже мог бы развиваться, но что мешает предположить, что это стало бы возможно только потому, что в (некапиталистическую) периферию превратилась бы та самая страна (страны), потерей которой так дорожат (при условии недоступности глобальной периферии для всех капиталистических стран)?

Поскольку Запад постоянно старается экспансировать, перед ним постоянно стоит проблема **ф о р м** адаптирования к себе третьих стран, точно так же, как перед последними – форм адаптации к Западу. Инициатором, во всяком случае, выступает Запад. Наша гипотеза состоит в том, что исторически таких форм адаптации три: 1) колониализм; 2) неоколониализм и 3) постнео-колониализм. Предельно обобщённо их можно, соответственно, охарактеризовать как военную, экономическую и культурную (информационную) формы адаптации.

На уровне первой формы ассимиляционная деятельность мир-экономики фактически ничем не отличалась от соответствующей деятельности мир-империй: страны завоёвывались, - в остальном же прогресс мира-экономики заключался в отсутствии (да и то не всегда) рабства и крепостничества. На стадии неоколониализма зависимость становилась в основном экономической, что позволяло говорить вообще не о зависимости, а вхождении в мировую (западную) цивилизацию. Но это уже иная лексика и оптика. Итак, две формулировки, два взгляда на один и тот же процесс: приобщение к мировой западной цивилизации и колонизация.

Рассмотрим аргументы в пользу того и другого видения. Прежде всего по вопросу о критерии определения того, с чем мы имеем дело – с цивилизацией или с колонизацией. Сторонники первой (их больше, конечно, на Западе) таким критерием считают улучшение (или ухудшение) материального положения большинства населения, соблюдение принципа “справедливого распределения” [1, с. 166]. Проявляет себя в “третьем мире” “рог изобилия”, который характерен для западной капиталистической экономики [см. там же], - цивилизация, нет – колонизация. Впрочем, в последнем случае “вина” приписывается также “объектам / субъектам (снова двойственность оптики! – В.Г.) модернизации, не умеющим организовать экономику по рыночным правилам.

Ещё откровеннее по вопросу о критериях высказывается Ф. Хайек: “избавить жизнь от каких бы то ни было конфликтов и боли и устранить всё, что препятствует самовыражению [конфликт и боль, выходит, всегда препятствуют. – В.Г.] и (разумеется) нравственному поведению, - сообразить [смекнуть. – В.Г.], что удовольствия и поощрения, приносимые цивилизацией, - не такое уж плохое приобретение для тех, кто всё ещё не знает, что это такое” [3, с. 230 - 231]. Короче говоря, нужно меньше болеть, дольше жить, лучше питаться, размножаться (для Хайека (и не только) это вовсе не ирония) независимо от условий, а речь о том, “насколько экономическая

мощь Соединённых Штатов [...] превращает какое-либо государство региона в политическую пешку иностранной державы, подрывает исконную культуру или просто вызывает раздражение, поскольку страна кишит гринго” [1, с. 166] не идёт. Огрубив, скажем: если у меня астма, то для меня имеет смысл пойти на всё, чтобы появилась цивилизация, способная избавить меня от неё, - тем более, если речь идёт о ещё более тяжких заболеваниях.

Впрочем, Хайек трезв, - он следит за поведением людей, когда у них появляется выбор. Оно “показывает, что люди, если у них есть выбор, обыкновенно предпочитают цивилизацию” [3, с. 231]. Даже “хватаются” за неё, “даже если это чревато проживанием в течение какого-то времени в периферийных трущобах” [там же].

Что делать? Хайек прав! Но 1) Западу для этого пришлось модифицировать формы адаптации к “остальному” миру и 2) подвергнуться риску неопределённости собственной модификации (адаптации).

В качестве одной из характеристик колониального характера отношений Запада и “третьего мира” называют и неэквивалентность обмена между ними. Можно спорить о степени этой неэквивалентности (= степени эксплуатации), но сама неэквивалентность, очевидно, общесистемное требование.

Без культурного влияния адаптация невозможна. Колониальный Запад навязывал свою культуру периферии, в неадаптированном, аутентичном виде, посредством насилия. Понятно, что усвоение шло плохо (особенно в массах), как любое принудительное усвоение. “И хороший сагиб у Сами, и умный – Только больно дерётся стэком...”

Неоколониализм был (есть) более мягок, но в культурном отношении оставался строгим: или ты европеец, или нет, - никаких симулякров, бинарность сохраняется.

Особенностью постмодерна является размывание границ. Европейские формы культуры и ценности (а отчасти и знания) уже не навязываются с неукоснительной строгостью. Их допускается усваивать в упрощённом, редуцированном виде, синтезировать с национальными формами. Всё подчинено потребностям ускорения и расширения коммуникации. В чём её цель? Похоже, в том, о чём говорил Хайек. Кроме того, удельный вес европейской массовой науки, знания, культуры в жизни общества гигантски возрос. Сама же она, в то же время, гигантски упростилась (но и интенсифицировалась!). Ленин поистине оказался прав, когда писал, что почтовым, банковским и т.п. делом сумеет овладеть каждый рабочий и крестьянин. Всё это позволило снизить уровень требований к качеству усвоения европейской культуры.

Но процесс этот стал и внутриападным. На самом Западе, в его отношениях с периферией, произошло то, что имеет место во французской системе образования в лице *khagnes* [4]. “Пытаясь покончить с ограничениями преподавательского аскетизма и “университетского” консерватизма, они стрем[ятся] совместить знания и навыки, внушаемые школой, с формами общения, ориентированного на непосвящённую аудиторию. Ориентация философской науки на внешний мир стала жизнеспособным решением в тот момент, когда увеличение числа выпускников средних школ обеспечивало одно из главных условий расширения государственного сектора, умножая число лиц, овладевших если не необходимой компетентностью, то по крайней мере, склонностью распознавать и потреблять продукты, отмеченные культурной легитимностью (студенты, читатели прессы, имеющей репутацию “интеллектуальной”, слушатели и телезрители “культурных” передач) [5, с. 34], “учёные” “системы массового транзита” [6, с. 77].

В той мере, в какой размывание границ и процессы эрозии затрагивают и Запад, говорить о (пост-нео-)колониализме становится невозможным.

Примечания

1. Бергер П. Капиталистическая революция. - М., 1994. - 320 с.
2. Wallerstein I., World-System versus World-Systems: A Critique // Critique of Anthropology. - 1991. - Vol. II No. 2, - P. 189-194.
3. Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. - М., 1992. - 304 с.
4. Франции, обязательные двухгодичные подготовительные курсы для поступления в высшую Эколь Нормаль.
5. Пэнто Л. Философская журналистика // Социо-Логос постмодернизма. S/⁹⁷. - М., 1996. - 236 с.
6. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. - М., 1998.

“НЕСДЕРЖАННОЕ ОБЕЩАНИЕ”: О ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТАХ “ПРОЕКТА МОДЕРНА”

Т. С. Мосенцева

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

“Пост-модерн”, в котором “пост” означает “после”, невозможен дважды: как “нечто”, вынесенное вовне “современности”, то есть “бытия в модусе настоящего времени” – в “несуществование”(1). Но также и как особый mode, способ мышления и мироотношения, не просто “полемизирующий” с модерном, а “отменяющий” его интенции, в то время как креативность последних отнюдь не исчерпала себя, но, наоборот, только начала обретать “подлинную форму”. На пересечении двух невозможностей быть вписанным в “реальный хронотоп” постмодерный mode превращается в mood – грамматическое “наклонение” или “модальность”, то есть – уже буквально – пишется и нигде, кроме текстов, не встречается. Что вполне согласуется с обоими “изъянами”: письмо, как нам известно от Ж. Деррида, “промахивается” мимо присутствия и окончательного воплощения смысловых интенций. Подтверждения тому, что “постмодерн” представляет собой специфическую дискурсивную стратегию и, следовательно, не имеет ни “места, ни “времени”, во множестве содержатся в “постмодернистских” же дискурсах...

С “модерном” дело обстоит, как кажется, несколько сложнее, поскольку его не может удовлетворить (не)существование в текстуальном пространстве и обнаружение себя в качестве потенциально незавершенного “проекта”. “Незавершенность” и есть “бытие-в-проекте”; проект, однако, “по определению” телеоцентричен: конец проекта – его реализация, “полнота реальности” как таковой, совпадение (пока) утопичного (еще) дискурса с Абсолютным референтом. Вместе с тем, “проект” модерна внутренне неоднороден, что находит выражение в отличиях прагматики его высказываний, а также в различной референциональной направленности. Так, И. Валлерстайн прослеживает полную конфликтов историю “двух модернов” – модерна технического прогресса и модерна прогресса человеческой свободы, соответственно – модерна “преходящего” и “бесконечного” и модерна, ориентированного на “смерть проективности” и полагающего своим референтом “Вечность”: “Будучи однажды достигнут, он не может быть впредь превзойден” [11, с. 455].

Обращение к двум нарративам “модернов” позволяет увидеть 1) “дискурсивные” истоки их “противостояния” (для этого мы воспользуемся методом “языковых игр” Ж.-Ф. Лиотара) и 2) “текстуальную механику” утверждения мнимого тождества технологического модерна и модерна эмансипации. Модерн технологий, “материальный” по форме своих “достижений”, ассоциируется с “научным эмпиризмом” и, стало быть, формулируется в дескриптивных высказываниях: критерием их истинности выступает релевантность “предмету высказывания”, то есть референту (который при этом должен быть “эксплицирован”). “Текучесть” же технологического модерна обусловлена в дискурсивной плоскости тем, что дескриптивные высказывания, а значит, и сформированный ими дискурс, не самолегитимны: “Научное высказывание не извлекает никакой законности из того, о чем оно говорит” [8, с. 67], его всегда можно опровергнуть, “снять” новым высказыванием. Участник исследовательской языковой игры строит гипотезы и доказывает их верность, “но что доказывает само доказательство”, ведь “знание о том, чем является референт, тоже почерпнуто из высказывания” [Там же, с. 10]? Легитимирующим в отношении “статуса науки” претендует быть философский метадискурс, прибегающий, в свою очередь, к тому или иному “великому рассказу” [Там же,]. Таковым в нашем случае оказывается “нарратив модерна либерализации” или “проект Просвещения”: его прескриптивные (нормативные) высказывания сообщают “пафос проективности” сущностно иному модерну технологий. Во-первых, техническое усовершенствование объявляется “неизбежным”, во-вторых, эта “неизбежность”, несомненно, “благого свойства”. Следовательно, модерн технологий легитимен, поскольку прогрессивен: он “подключен” к тому же целеполаганию, что и модерн либерализации (“объясняет/улучшает/облегчает жизнь”): “Проект модерна состоит в том, чтобы *неуклонно* [выделено мной. – Т.М.] развивать объективирующие науки [...], но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из высших эзотерических форм и использовать их для практики, то есть для разумной организации жизненных условий” [10]. Таким образом, “мнимая” идентичность “двух модернов”, являющаяся, по Валлерстайну, основанием геокультуры (либеральной идеологии) мир-системы, может быть понята как следствие “преодоления непреодолимого” (2) кризиса легитимации и

"(не)возможного согласования" двух типов дискурса в одном нарративе, отвечающем "формуле": "То, что верно, не может не быть справедливо, и наоборот".

Далее, единство нарратива, "общего" модерну технологий и модерну либерализации, "удерживается" своеобразной "концептуальной рамкой" или "кодом", "направляющими" наше прочтение истории модерна. В "символической" роли такого "кода" у нас выступит "let it be", являющееся показателем "модальности", свойственной проекту ("точкой зрения ожидаемого конца проективности"), и – одновременно – "самоустраняющее" свою "сослагательность" (о чем – ниже).

Итак, let it be действует подобно семиотическому коду: из "хаоса" равновероятных возможностей, находящихся в становлении, код "выбирает" (актуализирует) лишь некоторые, самым актом отбора устанавливая правила их организации в "осмысленные" (дешифруемые) сообщения. Функционирование всякого кода основано на бинарном принципе: каково бы ни было "качество" или "объем" упорядочиваемой информации, чтобы стать сообщением, она должна быть выражена в системе оппозиций. Другое дело, "адекватна" ли такая "жесткая" организация культурологическому или историографическому моделированию?.. Между тем, именно сведение многочленной системе к двучленной весьма выгодно в "идеологическом" отношении, поскольку таким образом любое понятие будет описываться как оценочное: сам "...язык однозначно определяет нормативное поведение, направленное на уничтожение плохого и восстановление хорошего (оба эти аспекта есть "торжество справедливости"...)" [5, с. 83], что практически исключает "непредсказуемость" в наших "прочтениях" так организованного "материала". Let it be (должное, ожидаемое, всячески приближаемое, но пока не достигнутое завершение проективности) "...выполняет функцию идеального критерия для оценки прошлого и настоящего" [9, с. 9]. Исторический "материал" распределяется по противопоставлениям "идеальностей" и "фактуальностей": первые представляют "точку зрения Вечности" или Абсолютного референта и соотносят с ним последние. С этой "точки зрения" и осуществляется ре-интерпретация истории: мы "видим как" (seeing as), то есть "видим кодом", исключая ("не замечая") невозможное им устанавливаемой аксиоматике (3). Бывшие "очевидности" кажутся "невероятными": так (опять обратимся к Валлерстайну), "надежда на улучшение жизни в результате постепенных, но упорно проводимых либеральных реформ" позволяет ("заставляет") увидеть *всю* историю современной мир-системы как историю такого реформирования; при этом модерн эмансипации и модерн технологий (несмотря на то, что господствующая геокультура, провозгласившая их "тождество", сложилась относительно недавно) представляются (4) исторически-всегда-подобными-вплоть-до-неразличимости ("причина" ретроактивно создается "следствиями"). Предзаданность интерпретаций "обеспечивает" безальтернативность "свершений модерна", а let it be, продолжая быть "кодом", одновременно начинает тяготеть к тому, чтобы стать "самостоятельным" перформативным высказыванием.

В перформативе "проект" (нарратив) как бы "открывается" навстречу "реальности", смещаясь от "так должно быть" (прескриптива) к "да будет так": акт речи "учреждает" факт (референт).- *"Пускай несостоятельность стратегий либерализации будет означать конец "неистинного модерна" и начало нового "правильного" социального порядка..."* – *"Пускай состоятельность стратегий либерализации будет означать победу либеральной идеологии и конец истории..."* – anything goes?.. (Прагматика перформатива близка прагматике архаичных ритуалов.) Однако легитимация перформативного высказывания опять-таки проблематична: "кто" или "что" дает право "отправителю" "изменять" своим сообщением "действительность"? И – в то же время – обладают ли эти "кто" или "что" "презумпцией истины", чтобы гарантировать истинность перформатива? (5) Очевидно, что для "проекта модерна" таким безусловным гарантом истинности выступает все тот же Абсолютный референт, ради которого и вершатся преобразования. Вместе с тем, его "безусловное существование" является существованием, "отсроченным" именно в качестве существования – пре(при?)бывающим в "эсхатологическом" временном и "утопическом" пространственном измерении. То есть "существованием", репрезентирующим себя (содержательно и структурно) исключительно в нарративе (дискурсивными средствами). Заметим, что в эту "ловушку" попадает любое перформативное высказывание: "подпись изобретает подписывающего" [3,], а высказывание – "свой предмет" (тот "образ реальности", который им "учреждается"). Для того, чтобы выглядеть "самолегитимным", перформатив вынужден "представляться" констативным (дескриптивным, описывающим) высказыванием и тем самым "онтологизировать" (или – в "сниженном варианте" – "натурализировать") Абсолютный референт: "будущее состояние" возвраща-

ет/воскрешает/воспроизводит некое изначальное состояние (впоследствии "извращенное"), отвечающее "самой природе вещей". Референт, к которому апеллируют, оказывается "сгущением" таких "вечных гарантов" результативности проекта, как "Божественное Мировоустройство", "Законы Природы", "Само Человеческое Естество" и т. д.

Приведенная нами выше "формула" преодоления "кризиса легитимации" теперь получает существенное дополнение и звучит, видимо, следующим образом: "То, что верно, не может не быть справедливо, и наоборот. То, что верно и справедливо, не может не быть".

Переход от перформативного высказывания к констативному сопоставим с переходом от "антифизиса" к "псевдофизису", который упомянут в "Мифологиях" Р. Барта по сходному поводу – "лишению рассказываемой истории историчности" по причине придания взятой в качестве "материала" "реальности" видимости "естественности" [см. 1, с. 111]. Обращение же к "вечным топикам" с целью легитимации дискурса находит параллель в "отсылках к здравому смыслу", которые, в конце концов, вообще устраняют необходимость аргументировать высказывание. Аргументацию заменяет "риторика": "Это так, потому что это так"; "так уж устроен человек..." [Там же, с. 123].

Кроме того, апелляция к "универсалиям" парадоксальным образом "вычитает" из дискурса собственно "дискурсивный момент": знаки становятся "прозрачными", поскольку "работают" в режиме воспроизведения "всегда-уже-наличного". Данный парадоксальный ход отвечает амбивалентному "положению" знака в западной культуре: бывшее непосредственным наличие "вещи" (референта) стирается в знаке (замещается/"извращается" им): нанесение письменных меток – "катастрофа" или "грехопадение в представительство". Однако, "начиная с катастрофы, нарушившей чисто природное, естественное состояние, возникает то движение, в котором отдаление приводит к сближению" [2, с. 489], а именно – движение к "идеальному представительству", которое "...восстанавливает наличие и самоистирается [в нем. – Т.М.]... Телос (собственная цель образа) – в том, чтобы быть совершенно незаметным. Когда, достигая совершенства, образ перестает отличаться от самой вещи, он тем самым сохраняет и восстанавливает ее изначальное наличие" [Там же]. Вместе с тем, "механизм восполнительности", действующий в этом случае (наличие не наличествует "само по себе", но "возвращает" себя себе же посредством знака), не только и не столько "искупает грех" знаковой опосредованности, сколько продуцирует ("прозрачные" ли?) знаки, симулирующие "возвращенную реальность": "совершенный образ", подготовленный "идеальным представительством", оказывается "совершеннее" наличной "вещи", наличие которой, таким образом, бесконечно "ускользает" (вспомним оппозицию "идеального" и "фактического" или "должного" и "наличного"), поскольку "идеальность" представительства задает недостижимые "параметры" (гипер)реальности. (Впрочем, это уже проблематика творчества Ж. Бодрийяра).

Итак, отмеченное совпадение "начала" и "конца" проекта модерна коррелирует с "круговой" легитимацией, что, как мы видим, приводит к своего рода "спасительной тавтологии": высказывания нарушают правила своей прагматики/"представляются" другими, чтобы обеспечить друг другу "законность". Еще одним, не менее важным, "мотивом" подобных "сдвигов" выступает, как кажется, стремление устранить "дистанцию" между "текстом" (проектом как нарративом) и "реальностью". Однако способы этого "устранения" сугубо "дискурсивные". В результате какая бы то ни было референциональная соотнесенность становится "затруднительной": "код let it be", "прочитывающий историю" как совокупность им организованных оппозиций "...стирает конкретную референцию и усиливает оценочность... Язык такой ["сильной" – Т.М.] системы представляет собой набор эмоционально окрашенных этикеток, диктующих и позицию, которую надо (нельзя не) занять" [5, с. 83]. "Онтологизация" же кода или концептуальной рамки (принятие которых само по себе конвенционально и ситуативно), происходящее параллельно с "обеспечением" дискурса Абсолютной ("утопичной") референцией, перемещает "завершение проекта" от одной текстуальной версии такового к другой. С этой точки зрения, "несуществующий постмодерн" только проблематизирует уже имеющуюся "проблемность", как то – акцентирует разрыв между различными типами высказываний, комбинация которых может получить лишь "частную" или "локальную", но никак не "вечную" или "безусловную" легитимность; демонстрирует "несвоевременность" и "неуместность" всякого "знакового конструкта"; невозможность (или всегда-отложенную возможность) "сдержать обещание" (реализовать проект) рассматривает как "удачу" (6) и "повод продолжать": "Энциклопедисты до своей революции благоразумно не дожили, "измисты" ["постмодернисты" – Т. М.] столь же благоразумно свою недореволюцию (ах, этот май-баловник, май-чаровник

шестьдесят восьмого!) пережили, точнее заменили усиленным производством недореволюционных текстов" [6, 22].

Примечания

1. Именование "пост-модерн" является "оксюмороном" [см. 11, с. 454]. Если же мы вспомним "ответ", данный на вопрос "что такое постмодерн?" Ж.-Ф. Лиотаром, тогда "постмодерном" окажется то, что внутри модерна указывает на непредставимое в самом представлении... [7, с. 322], и "оксюморон" "вместо названия" предстанет, пожалуй, наиболее "подходящим" тропом, намекающим на "суть дела".

2. "Непреодолимым", поскольку "истина и справедливость не симметричны, между ними нет причинно-следственной связи" [8, с. 97].

3. Здесь уместно будет вспомнить известную характеристику, данную Р. Якобсоном языку как "сильной системе" и упомянутую Р. Бартом в его анализе "авторитарных начал" дискурса: "Язык определяется не тем, что он позволяет сказать, а тем, что он заставляет сказать" [1, с. 532].

4. "Всякая сильная дискурсивная система есть представление (в театральном смысле – show), демонстрация аргументов, приемов защиты и нападения, устойчивых формул..." [5, с. 538].

5. См. постановку этих вопросов в "Оттобиографиях" Ж. Деррида [3]: кто подписывает разрешение подписывать? От чьего имени совершается событие перформативного высказывания?

6. "Деконструкция... случается лишь в виде обещания и неудачи, обещания, которое удастся сдержать тогда, когда ему повезет потерпеть неудачу" [4, с. 70].

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 616с.
2. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – 511с.
3. Деррида Ж. Оттобиографии // *Ad Marginem*'93: Ежегодник. – М., 1994. – С.174-183.
4. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. – 199с.
5. Золян С. Между взрывом и застоём (постсоветская история как культурно-семиотическая проблема) // *Логос*. – №9 – 1999. – С.81-86.
6. Кобрин К. Триумф дезертира // *На посту*. – №1 – 1998. – С.20-24.
7. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // *Ad Marginem*'93: Ежегодник. – М., 1994. – С.303-323.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., СПб., 1998. – 159с.
9. Мамалуй А. Концы без конца, или ситуация "пост(недо)модерна" // *Вестник Харьковского государственного университета. Философские перипетии*. – №380 – 1993. – С.3-11.
10. Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект // *Вопросы философии*. – 1992. №4 – С.40-52.
11. Wallerstein I. 'The End of What Modernity?', in Wallerstein I., *The Essential Wallerstein* (New York: The New Press, 2000), pp. 454-471.

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА Р. ДАРЕНДОРФА В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

И.Д. Денисенко

(Харьковский государственный педагогический университет им. Г.С. Сковороды)

Сегодня в контексте развития современной системы социально-философских знаний мир-системный анализ (МСА) И. Валлерстайна и концепция социального конфликта (КСК) Р. Дарендорфа представляют собой два из наиболее интересных направлений исследования социальной реальности и, на первый взгляд, два диаметрально противоположных подхода к объяснению ее функционированию и перспективам.

Основанием для данного утверждения могут служить результаты анализа истории возникновения и формирования основных положений МСА и КСК. Так, несмотря на то, что обе концепции продолжают традиции К. Маркса, В. Зомбарта и М. Вебера (безусловно в различных ас-

пектах: у И. Валлерстайна это развитие капиталистического способа производства/капиталистической мир-экономики/ капиталистической цивилизации; у Ральфа Дарендорфа это преобразование марксистской схемы классовой борьбы как двигателя социальных изменений в модель социального конфликта и его разрешения посредством консенсуса) и свой современный вид приобрели к середине 70-х годов (МСА с выходом в свет в 1974 – 1980 гг. трехтомника И. Валлерстайна “Современная мир-система”, а КСК – с возвращением в 1974 г. Р. Дарендорфа к научным исследованиям по политологической проблематике, получившим свое отражение в таких работах как “Новая свобода” [1975 г.] и “Жизненные шансы: подходы к социальной и политической теории” [1979 г.]) их основные положения констатируют абсолютно разное понимание как базового объекта исследования (“историческая система” у И. Валлерстайна и “гражданское общество” у Р. Дарендорфа), так и самого характера анализируемой социальной реальности и ее составляющих – целостная, единственная, постоянно развивающаяся на данном этапе такая форма мир-системы как “мир-экономика” И. Валлерстайна и дарендорфовское “благое общество”, покоящееся на богатстве, сплоченности и свободе.

Однако более глубокое изучение содержания МСА и КСК показывает что от “исторической системы” И. Валлерстайна существует определенный переход к “гражданскому обществу” Р. Дарендорфа, а будущее социальной реальности в современной форме мир-системы (КМЭ) зависит от возможного разрешения именно дарендорфской “квадратуры круга: процветание, цивилизованность и свобода”.

Так, согласно рассуждениям И. Валлерстайна его замена термина “общество” категорией “историческая система” была сопряжена с попыткой избежать связь установившуюся в социальных науках между понятиями “общество” и “государство”. При этом данная семантическая замена позволила исследователю реализовать (подтвердить) экспериментальную гипотезу относительно существования на различных этапах развития человечества трех известных исторических систем, названных им: мини-системами, мир-империями и мир-экономикami. Данные виды исторической системы выводятся И. Валлерстайном из анализа взаимосвязей существующих, между “формой” и “логикой” и самой историей сосуществования этих выделенных форм, которые нельзя механически сопоставлять с основными известными подсистемами общества (экономикой, политикой, культурой). Отсюда в рамках МСА предлагается рассматривать: мини-системы как небольшие однородные (во всех аспектах – от экономического до культурного) образования; мир-империи как большие политические образования, включающие в себя ряд “культурных” систем; мир-экономики как совокупность интегрированных промышленных структур, разделенных многочисленными политическими структурами.

При этом по И. Валлерстайну, “все исторические системы суть системы реализации привилегий” [1, с.188] и перспективы их развития в контексте МСА связаны с наличием и разрешением определенных противоречий, которые находятся в различных плоскостях. Отсюда делается вывод о том, что, будущее капиталистической цивилизации определяется нарастающим напряжением в ее основных сферах – в процессе накопления (это постоянная борьба, подрывающая монополии и ведущая к глобальной экспансии капиталистической мир-экономики); политической легитимности (последствия разрушения левой стратегии: упадок национально-освободительного движения на Юге и крушение коммунистических режимов в Восточной Европе) и геокультуре (порождение новой дилеммы: между равенством всех культур и партикуляризмом).

Следует заметить, что “гражданское общество” как основной объект исследования Р. Дарендорфа в контексте изучения социальной реальности также не имеет ничего общего с традиционными интерпретациями общества как определенного вида государства, так и совокупности трех основных сфер: экономики, политики и социокультуры.

Немецкий исследователь утверждает, что под гражданским обществом следует подразумевать “ту ткань нашей совместной с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив...” и “лучше всего описывает это присущее гражданскому обществу многообразие слово ассоциация” [2]. По Р. Дарендорфу именно этому понятию присущ созидательный хаос, выстраивающий в упорядоченность все, что дает возможность реализовать большинству людей их жизненные шансы. В экономике этот порядок структурирует понятие “рынок”; в политике – “общественность”. Последние категории описывают то пространство, где взаимодействуют ассоциации гражданского общества. Отсюда согласно его рассуждениям, идеальное гражданское общество вообще невозможно построить, его

можно только получить в результате самостоятельного развития, то есть через последовательное движение путем проб и ошибок к оптимальному сочетанию условий, при котором одновременно можно иметь все три номинации: процветание, сплоченность и свободу [2]. Следует подчеркнуть, что дарендорфовское стремление к описанию условий оптимального обладания богатством, сплоченностью и свободой является не простым построением механизма сбалансированного функционирования всех сфер общества, а реальным вариантом разрешения различных противоречий, пронизывающих как экономические и политические структуры, так и окружающее их социальное пространство, приводящее во взаимодействие все их элементы. "Конфликты нужно видеть, чтобы они стали реальностью. Не стоит искать причины конфликта в социальных структурах, если они не являются очевидной причиной социальных и политических столкновений" [3, с.240].

Поскольку на современном этапе общественного развития экономики демократических государств приобрели характер интернационализированности и представляют собой своеобразную социальную и политическую дилемму, Р. Дарендорф отмечает, что свойственная свободным обществам погоня за конкурентностью не способствует социальной сплоченности, и наоборот - при предпочтении социальной сплоченности уменьшается конкурентоспособность вместе с процветанием. Согласно логике рассуждения Р. Дарендорфа одним из возможных путей выхода из создавшейся дилеммы может быть вариант ограничение политической свободы. Интересен в этом отношении его тезис: "все больше людей полагает, что одновременно можно иметь только две из этих трех вещей: процветание и сплоченность без свободы, процветание и свободу без сплоченности или сплоченность и свободу без процветания" [2].

Однако, исходя из результатов исследований, Р. Дарендорфом предложен реальный механизм решения этой дилеммы с равноценным функционированием трех номинаций. Необходимо подчеркнуть, что предложенная модель социального конфликта рассчитана на явно выраженный микроуровень (поскольку основным элементом гражданского общества считается город) и на развитую сеть ассоциаций. Кроме того, одними из значимых условий реализации такого механизма являются: наличие множества компаний разного масштаба, уровня и отраслевого назначения и стремление к сочетанию конкурентности с социальными гарантиями, которые в новых условиях обеспечиваются не системой занятости или образования, а деятельностью различных ассоциаций, возрождающих традиции благотворительности.

Если в контексте данных рассуждений сравнить основные сферы нарастающего напряжения валлерстайновской капиталистической мир-экономики с дарендорфовскими элементами "квадратуры круга", то окажется, что последние есть возможным конкретным вариантом разрешения первых, а именно: богатство или процветание граждан - итог процесса накопления; свобода - политической легитимизации и цивилизованность (то есть, в первую очередь признание равенства всех культур) - форма современных геокультурных отношений.

Из вышесказанного можно обоснованно предположить, что КСК представляет собой "работающий механизм" МСА. А если вспомнить идею Р. Дарендорфа, высказанную в конце 50-х годов относительно интеграционной теории Т. Парсонса и КСК - о неготовности считать эти две модели "единственно возможными моделями социологического анализа" и о реальных потребностях "в значительном числе различных моделей на многих уровнях для объяснения особых проблем ..." [4, р.127], то можно прийти к выводу, что именно МСА и КСК в своем единстве являются современными моделями социологического анализа.

Литература

1. Валлерстайн И. Капиталистическая цивилизация // Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН РАН, 1998, - С.183-196.
2. Дарендорф Р. Благое общество // <http://relsobninsk.com/rels/limited/nsub/um/9808/1-1.htm>.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. - 1993. - № 4.
4. Dahrendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // American Journal of Sociology. - 1958. - Vol. 64. - Sept.